М. Ф. НИКОЛЕВА

М. Ю. Лермонтов

Прав. 52

МУЗЕЙ „ДОМИК ЛЕРМОНТОВА“

Читальный зал

М. Ф. НИКОЛЕВА

II - 37171

М. Лермонтов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

133356

ЛПИ им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

КРАЙВЕДИЗДАТЕЛЬСТВО — ПЯТИГОРСК — 1940.

М. Лермонтов

К ЧИТАТЕЛЮ

Идея составления популярного биографического очерка о Лермонтове зародилась у сотрудников музея „Домик Лермонтова“ в результате тех настойчивых и постоянных запросов, которые предъявляются к музею его посетителями.

Тот глубочайший интерес к великому поэту, который проявляет население Советского Союза, иллюстрируется цифрами посещаемости музея: в 1938 г. 87 тысяч посетителей, в 1939—93 тысячи.

Посещение домика, где жил М. Ю. Лермонтов, знакомство с экспонатами музея, естественно, усиливают интерес к поэту. Отсюда у посетителей вытекает стремление зафиксировать в памяти слышанное, узнать поэта глубже.

Писать о таком могучем, сложном и глубоком человеке, как Лермонтов, очень трудно, тем более, что документов о его жизни сохранилось очень мало. Но именно эти трудности, по мнению сотрудников музея, обязывают удовлетворить запросы посетителей.

Чем глубже и сложнее человек, тем менее понятен он для большинства окружающих. Чем меньше документов о его жизни, тем больше простора для вымыслов.

О Лермонтове сложилось в прошлом не мало легенд, над искажением его образа потрудилось не мало лиц.

Освободить память поэта от этих легенд и искажающих его образ вымыслов, помочь читателю создать

представление о поэте, каким он рисуется по его произведениям и сохранившимся документам—вот задача настоящей работы.

Составление очерка поручено музеем научному сотруднику М. Ф. Николевой. Насколько удалось автору выполнить эту задачу должны сказать читатели, к которым музей и обращается с просьбой направлять в его адрес все замечания и пожелания, связанные с этой работой.

Музей „Домик Лермонтова".

Пятигорск
27 сентября 1939 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

Отдаленнейший предок нашего великого поэта М. Ю. Лермонтова со стороны отца происходил из Шотландии. В Шотландии еще в XI веке была известна фамилия рыцарей Лермонт.

В 1613 году русские войска в войне с Польшей взяли в плен несколько иностранцев, служивших в польском войске, среди которых оказался шотландец Георг Лермонт. Этот Георг (по-русски Юрий) Лермонт поступил на русскую военную службу и навсегда остался в Московском государстве.

Внуки и правнуки Георга-Юрия занимали придворные должности при московских царях, но к концу XVIII века род Лермонтовых стал „худать и беднеть“: дед поэта Петр Юрьевич был в чине только поручика артиллерии и жил в своем маленьком имении—деревне Кропотово, бывшей Тульской губернии. Отец поэта Юрий Петрович (родился в 1787 г. 26-го декабря),* учился и служил в I кадетском корпусе в Петербурге. В 1811 году, в 24-х летнем возрасте, вышел в отставку и поселился в своей деревне Кропотово с матерью и сестрами.**

По соседству с Лермонтовыми в деревне Васильевское жили богатые помещики Арсеньевы—несколько братьев

---

* Число рождения отца поэта, до сих пор нигде не указываемое, установлено мною в 1938 г. по материалам I кадетского корпуса, хранящимся в Ленинградском военном архиве. Сохранилось заявление деда поэта Петра Юрьевича от 1798 года о приеме сына Юрия (отца поэта) в I кадетский корпус. При нем приложена справка о рождении Юрия Петровича.

** В материалах I кадетского корпуса нет точных указаний на причины выхода Юрия Петровича в отставку. Сохранился корпусный приказ от 28 ноября 1811 года:

и сестер. Между Арсеньевыми и Лермонтовыми были дружеские соседские отношения. К Арсеньевым иногда наезжала вдова одного из братьев, помещица Пензенской губернии, Елизавета Алексеевна Арсеньева, со своей единственной молоденькой дочкой Марией Михайловной. Здесь в Васильевском и познакомилась она с Юрием Петровичем. Чувствительная, поэтическая Мария Михайловна сильно увлеклась красивым, блестящим молодым офицером, встретила ответное чувство, и они стали женихом и невестой. Елизавета Алексеевна не сочувствовала этому браку, считала его неравным. Она как по мужу, так и по рождению принадлежала к высшей аристократии. Общественные предрассудки тогда были так сильны, что Елизавета Алексеевна, умная и независимая по характеру женщина, не могла отрешиться от них и согласилась на брак своей дочери с бедным отставным офицером, только уступая ее горячим настойчивым просьбам. Отец Елизаветы Алексеевны Алексей

„В отданном сего числа при пароле Всевысочайшем приказе Порутчик Лермантов увольняется за болезнями от службы капитаном и с мундиром. Коего из корпусных списков выключить".

Подпись: Генерал-лейтенант Клингер. Дело № 2240.

По „Журналу приказов и нарядов" за 1811 год видно, что Юрий Петрович по возвращении из летних походов кадетов нес очередные дежурства, как воспитатель, с полной аккуратностью, а с 19 октября по 25 октября ежедневно. Но с 25 октября его имя ни разу не упоминается. Официальное объяснение увольнения „за болезнями" внушает сомнение. Такая мотивировка в те времена часто бывала защитой чести офицера, ею прикрывались в некоторых случаях совсем иные причины.

Некоторые биографы Лермонтова предполагали, что отставка Юрия Петровича вызывалась тем, что мать и сестры его не справлялись с управлением имением. Едва ли и это так. По метрическим книгам, просмотренным за несколько лет, видно, что имением Кропотово до 18 февраля 1799 года владел дед поэта Петр Юрьевич, с 12 апреля 1799 года до 1815 года владелицей считалась бабка его Анна Васильевна Лермонтова. Очевидно, Анна Васильевна справлялась с имением, и не хозяйственные затруднения заставили Юрия Петровича внезапно, среди зимы, выйти в отставку.

Материалы I кадетского корпуса дали еще одну поправку к сведениям о Юрии Петровиче. Часто ссылаются, как на признак успешной, блестящей карьеры его, на высочайшие благодарности и удовольствие, три раза выраженные ему. Эти благодарности выражались не индивидуально, а всему корпусу „за исправное вступление кадет I и II корпуса, возвратившихся из практического похода". Благодарность царя выражалась сначала высшим чинам, начиная с шефа—великого князя, а затем... „равно объявляется за сие удо-

Емельянович Столыпин был богатый помещик Симбирской губернии. У Столыпина было 6 сыновей и 5 дочерей. Всем им он дал отличное воспитание и образование. Дети отличались большой даровитостью, твердостью характера и мужеством.

Расстаться со страстно любимой дочерью Арсеньева не могла, и молодые стали жить вместе с ней, в ее имении, в селе Тарханах, Пензенской губернии. Зятю Елизавета Алексеевна предоставила управлять имением.

ДЕТСТВО

Когда стало приближаться время рождения ребенка, молодые супруги и Елизавета Алексеевна переехали в Москву. Здесь со 2-го на 3 октября*) 1814 года у Марии Михайловны родился сын, наш будущий великий поэт.

Почти никаких сведений о Марии Михайловне до нас не дошло. Сохранился ее альбом, в который близкие ей люди вносили стихи и свои пожелания. Есть стихи, заметки, написанные рукой самой Марии Михайловны. Судя по ним, можно сказать, что Мария Михайловна была женщина нежного, глубокого чувства. Характерно одно ее замечание, обращенное, очевидно, к Юрию Петровичу: „...Вы пишете потому, что хотите писать. Для вас это забава, развлечение. Но я, искренно любящая Вас, пишу только для того, чтобы сказать Вам о своей любви. Я люблю Вас. Эти слова стоят поэмы, когда сердце диктует их.“

Эти слова „стоят поэмы“ только для тех натур, которые способны глубоко и сильно чувствовать.

вольствие и всем господам штаб и обер-офицерам, а также и кадетам оных корпусов“.

Благодетельное действие этого „удовольствия“ царя распространялось и на ленивых учеников, которые в 1 кадетском корпусе были выделены в особую группу.

Корпусный приказ № 3 от 10 августа 1808 года. „Бывшие в практическом походе находящиеся в годовых ленивых и в читательных классах прощаются, коих и можно увольнять со двора.“ Подпись: Ген.-лейт. Клингер. Дело № 2206.

Какая цена этим благодарностям в отношении каждого участника походов, в частности Юрия Петровича? Никакого значения они не имели.

---

* Даты всюду приводятся по старому стилю.

Счастье молодой четы было непродолжительно. Когда и чем оно было нарушено, остается неясным; по всей вероятности, по вине Юрия Петровича. Елизавета Алексеевна, с самого начала не взлюбившая Юрия Петровича, не прощала ему несчастия дочери, и отношения ее с зятем очень обострились. Здоровье Марии Михайловны еще в девичестве было очень слабое. Это подтверждается словами Елизаветы Алексеевны, написанными в альбоме Марии Михайловны: „Милой Машеньке. Чего пожелать тебе, мой друг? Здоровья, вот единственная вещь, которой недостает для счастья друзей твоих."—Под влиянием семейных неприятностей слабое здоровье Марии Михайловны стало ухудшаться; у нее развилась скоротечная чахотка. 17 февраля 1817 г., не достигнув 22-х лет, Мария Михайловна скончалась. О том, что семейная жизнь Лермонтовых не была счастлива, есть неоспоримое свидетельство самого поэта. Он юношей писал о себе:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя,
От них остался только я.

Юрий Петрович на 9-й день после смерти жены уехал совсем из Тархан, оставив сына временно на руках бабушки. Но вскоре он явился в Тарханы и потребовал сына к себе. Елизавета Алексеевна настояла, чтобы мальчик был оставлен у нее еще на 2 года. Юрий Петрович уступил. Через два года повторилась та же история. Елизавета Алексеевна вызвала на помощь брата своего, и они уговорили Юрия Петровича оставить сына у бабушки до его совершеннолетия. После этого Юрий Петрович навещал сына, но больше не требовал его к себе до его совершеннолетия. Он понимал, что не в состоянии дать ему такое воспитание, как Елизавета Алексеевна, и поступился в интересах сына своим чувством.

Елизавета Алексеевна после смерти дочери все чувства своей страстной души перенесла на внука. В нем был весь смысл ее жизни, расстаться с ним было для нее невозможно, и вся жизнь ее наполнилась только заботами о нем.

Достоверных свидетельств о раннем воспитании Лермонтова сохранилось мало. Некоторые черты из раннего детства рисует в своей биографии Лермонтова профессор Висковатов со слов тарханских старожилов.

„Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Все ходили кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженые из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд. Все дворовые, которые рядились и потешали Михаила Юрьевича, на время святок освобождались от урочной работы.

А летом опять свои удовольствия. На троицу ходили в лес со всею дворней, и Михаил Юрьевич впереди всех. Поварам работы было страсть—на всех закуску готовили, всем угощение было".

Когда ребенок заболевал, дворовые девушки должны были молиться о здоровьи маленького барина и за это освобождались от работы. Словом, маленький мальчик, окруженный ласками, заботами, был всеобщим баловнем, центром этого небольшого крепостнического мирка.

Бабушка хотя и очень баловала своего внука и этим не мало портила его характер, развивала в нем дух своеволия и настойчивости, но наряду с этим она применяла к его воспитанию удивительно разумные меры. Когда мальчику пошел 6-й год, бабушка взяла к себе в дом для совместного с ним воспитания одногодок—сына сестры Юрия Петровича, Мишу Пожогина-Отрошкевича, и сына соседей по имению Давыдовых. Все три мальчика вместе росли, а потом начали вместе учиться азбуке. Отрошкевич впоследствии рассказывал о времени, проведенном в Тарханах, и, по его мнению, Лермонтов „был очень слабого здоровья, что не мешало ему быть бойким, резвым и шаловливым ребенком. В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно высказывалась настойчивость."

„Когда Михаил Юрьевич подрос,—рассказывают старожилы села Тарханы,—были ему набраны одногодки из

дворовых мальчиков, обмундированы в военное платье; делал им Михаил Юрьевич ученье, играл в воинские игры, в войну, в разбойников."

О Лермонтове-ребенке самое верное представление дает сам поэт в отрывке своей неоконченной повести, которая имеет несомненно автобиографический характер. Вот что пишет Лермонтов о воспитании Саши Арбенина, в образ которого он вложил много им самим пережитого: „Зимой горничные-девушки приходили шить и вязать в детскую чтоб потешать маленького барчонка. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости, и картинами мрачными и понятиями противуобщественными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку... Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок... Бог знает, какое направление принял бы его характер, если б не пришла на помощь корь... тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки... Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой... В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привык побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах при звуке песен, под свистом волжской бури..."

Этот автобиографический отрывок помогает нам понять, какой силой воображения и фантазии, какой впечатлительной и поэтической душой одарен был Лермонтов-ребенок. Богатое воображение гениального ребенка уносило его мысль далеко за пределы маленького мирка, который его окружал.

И сам поэт о себе сказал:

...в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Необыкновенно рано пробудилась в Лермонтове богатая внутренняя жизнь с ее направлением к значительному, высокому. В нем „огонь божественный горел от самой колыбели!“ Этот дар природы Лермонтов рано осознал в себе и на 16-м году писал:

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.

* * *

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...

Лермонтов, вспоминая свое детство, писал в одном из автобиографических отступлений поэмы „Сашка“:

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце предал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.

Вот этот „мир воздушный“, „пламень неземной“, который так рано загорелся в его душе, заставили его не по-детски задумываться о многом, жить в мире богатой фантазии и имели огромное влияние на всю жизнь поэта. Он слишком рано стал жить напряженной внутренней жизнью, слишком рано „выучился думать“, вести скрытую беседу с самим собой. Это с одной стороны, а с другой—этот замкнутый, богатый „воздушный“ мир, в котором он „терялся мыслию послушной,“ парализовал влияние на него крепостнической обстановки.

Лермонтов всегда, даже в самые мрачные периоды своей жизни, о детстве своем вспоминал с теплым чувством:

К чему, куда ведет нас жизнь, о том,
Не с нашим бедным толковать умом;
Но исключая два-три дня да детство,
Она, бесспорно, скверное наследство.

С особенной силой и непосредственностью вырвались из души поэта в последние годы его жизни теплые, нежные слова:

Ужель исчез ты, возраст милой,
Когда все сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит.

Последние две строчки вполне выражают исключительную особенность натуры Лермонтова. Уже тогда, в детстве, его сердце и мысль были полны кипучей жизнью.

Так как Лермонтов был очень слабым, болезненным ребенком, то бабушка возила его раза два на Кавказ, на Минеральные воды. В 1825 году она поехала на Кавказ в 3-й раз. Лермонтову было 10 лет. Кавказ произвел на него сильнейшее впечатление. Позже, вспоминая Кавказ 16-летним юношей, он писал: „Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали; вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе.“

Величественные картины Кавказа вызвали живой отклик в душе десятилетнего мальчика: „Как я любил твои бури, Кавказ, те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают“...

Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.

Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы;
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был товарищ их воздушной!.

С Кавказа бабушка с внуком и домочадцами, с семьей своей племянницы Шан-Гирей, жившей под Пятигорском, вернулась в Тарханы. Шан-Гирей с помощью Елизаветы Алексеевны купила соседнее маленькое имение Апалиху и поселилась с семьей в нем. Старшего сына Шан-Гирей, 8-ми летнего Акима, бабушка взяла к себе на воспитание вместе с внуком. Шан-

Гирей* в своих воспоминаниях об этом периоде тарханской жизни пишет: „Все мы вместе приехали осенью 1825 года из Пятигорска в Тарханы, и с этого времени мне живо помнится смуглый с черными блестящими глазами Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос надо лбом, резко отличающихся от прочих, черных как смоль. Учителями были mr. Capet, высокий и худощавый француз с горбатым носом, всегдашний наш спутник, и бежавший из Турции в Россию грек; но греческий язык оказался Мишелю не по вкусу, уроки его были отложены на неопределенное время.

Жил с нами сосед из Пачелмы (соседняя деревня) Н. К. Давыдов, гостили довольно долго дальние родственники бабушки, два брата Юрьевы, двое князей Максютовых, часто наезжали и близкие родные с детьми и внучатами, кроме того большое соседство, словом, дом был всегда битком набит. У бабушки было три сада, большой пруд перед домом, а за прудом роща; летом простору вдоволь. Зимой немного теснее, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену (тогда еще не было запрету) сходился на кулачки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий, садовник, выбрался из свалки с губой, рассеченной до крови. Великим постом Мишель был мастер делать из талого снегу человеческие фигуры в колоссальном виде. Вообще он был счастливо одарен способностями к искусствам; уже тогда рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины: охоту за зайцем с борзыми, которую раз всего нам пришлось видеть, вылепил очень удачно, также переход через Граник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом, и косами из фольги. Проявления же поэтического таланта в нем вовсе не было заметно в то время, все сочинения по заказу Capet он писал прозой и нисколько не лучше

---

* Аким Павлович Шан-Гирей жил у бабушки Лермонтова до конца ее жизни. Это единственный человек, который был свидетелем домашней жизни Лермонтова с ранней юности поэта, прошедшей в Тарханах и Москве. Он почти постоянно жил у них и в Петербурге. Михаил Юрьевич относился к нему, как к брату.

своих товарищей. Когда собирались соседки, устраивались танцы, и два раза был домашний спектакль; бабушка сама была очень печальна, ходила всегда в черном платье и белом старинном чепце без лент, но была ласкова и добра, и любила, чтобы дети играли и веселились, и нам было у нее весело.

Так прожили мы два года".

Нельзя думать, что детство Лермонтов провел в условиях совершенной оторванности от интересов общественной жизни. Со своими братьями бабушка была в постоянном общении, и через них доходили в Тарханы сведения об общественной жизни. Братья занимали видные государственные посты, двое из них были близки к кругу декабристов. Старший, Аркадий Алексеевич Столыпин, твердый и мужественный человек, принимал участие в декабристском движении, был другом Рылеева, но он умер до восстания их, весной 1825 года. Дмитрий Алексеевич тоже принимал участие в движении декабристов, был другом Пестеля. Умер скоропостижно в январе 1826 года. На следствии по делу восстания декабристов один из них, Н. А. Бестужев, показал, что „покойный сенатор Аркадий Алексеевич одобрял тайное общество и потому, верно, он действовал бы в нынешних обстоятельствах вместе с ним". Аркадий Алексеевич был женат на дочери известного Н. С. Мордвинова, которого декабристы прочили в члены будущего временного правительства в случае победы.

При своем одиночестве бабушка Лермонтова держалась за родственные отношения и была в курсе всех тревог в семье Столыпиных, связанных с катастрофой 25 декабря.

Впечатлительный, проницательный мальчик не мог оставаться в неведении всего происходящего и в близкой семье и в стране. В каком освещении доходили до Лермонтова известия о событиях, связанных с движением декабристов, неизвестно, но, судя по чрезвычайно свободолюбивому настроению его первых поэтических произведений, движение декабристов находило в его душе горячее сочувствие.

Его наставник француз Капэ был живым источником знакомства Михаила Юрьевича с недавними колоссальными событиями мировой жизни: походами Наполеона

и всеми бурными последствиями французской революции. И в Тарханах он мог слышать от непосредственных участников „12-го года", о делах и событиях этого замечательного времени. Словом, жизнь в Тарханах для Лермонтова не была „глухой". Но все эти отголоски жизни входили в тарханскую жизнь эпизодически, не нарушая тихого деревенского склада ее.

ПЕРЕЕЗД ЛЕРМОНТОВА В МОСКВУ

ПОСТУПЛЕНИЕ ЕГО В УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПАНСИОН

В 1827 году, когда Лермонтову исполнилось 13 лет, Елизавета Алексеевна решила переехать в Москву, чтобы подготовить внука к поступлению в учебное заведение. С отъездом из Тархан кончилось его детство.

Наступила новая эпоха в жизни Лермонтова. Переезд в Москву сразу перенес его в совершенно другие условия жизни, в другую обстановку. Весь уклад жизни круто изменился. Не было уже ни свободы, ни простора, ни простоты деревенской жизни, ни общения с крестьянами и, главное, постоянного общения с природой, которую он так любил, так сильно и глубоко воспринимал. Их заменили условия жизни большого города, светская среда, усиленные и более систематические умственные занятия, иные развлечения...

Елизавета Алексеевна решила отдать мальчика в благородный университетский пансион, а для подготовки в него пригласить преподавателя русского и латинского языков пансиона А. З. Зиновьева, который пользовался репутацией прекрасного педагога. Приглашены были и другие учителя. Любимый Лермонтовым гувернер Капэ тоже продолжал заниматься с ним.

Осенью 1828 года Лермонтов поступил по экзамену сразу в 4-й класс университетского благородного пансиона. Бабушка определила его полупансионером, т. е. приходящим, чтобы не расставаться с ним.

В этот год Лермонтов пережил большое огорчение—умер его любимый гувернер Капэ. Его заменил француз Жандро. Год подготовки был для Лермонтова

переходным годом—мальчику не было времени выйти из узкого домашнего круга. Но с поступлением в пансион начинается для него новая эпоха жизни.

Объединенная общими интересами товарищеская среда, общение с преподавателями, проникнутыми широким интересом к литературе, не прошли без влияния на Лермонтова. В нем пробуждается также интерес к общественно-политическим вопросам. Он усердно читает тогдашние журналы и, что самое главное,—в нем заговорил поэтический дар. Сам поэт в одной из своих ранних заметок указал, что он „начал марать стихи в 1828 году в пансионе".

Учился в пансионе Лермонтов охотно и прекрасно. В конце первого учебного года он писал тетке: „Вакации приближаются и... прости! достопочтенный пансион. Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому ученье прекратится; нет, дома я заниматься буду еще более, нежели там."

При переходе в 5-й класс он получил по всем предметам высшую оценку, кроме латинского языка и закона божьего. Больше всего и сил и времени он отдавал иностранным классикам и русским писателям. Не забывались занятия и по рисованию, которым он продолжал охотно заниматься и которыми обращал на себя внимание в пансионе; учился играть на фортепиано и на скрипке. Его учитель Зиновьев вспоминает: „Как теперь смотрю на милого моего питомца, отличившегося на пансионском акте 1829 года. Среди ...ящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского („К морю") и заслужил рукоплескания. Тут же исполнил на скрипке с большим успехом allegro из концерта Маурера. Получил первый приз за сочинение на русском языке и вообще обратил на себя внимание всего пансиона". Университетский пансион был очень хорошо поставлен и в учебном и в воспитательном отношении. Преподавание было живое; чувствовалась любовь к науке и литературе. Этот интерес к литературе, господствовавший в пансионе, передавался и учащимся, и среди них возник рукописный журнал, организатором и главным сотрудником которого был Лермонтов.

В отношениях Лермонтова к товарищам резко про-

явилась одна черта его характера: способность глубоко, горячо привязываться к избранным им людям и нетерпимо относиться к остальным, и потому, в общем, он не был любим товарищами. „Пристанет, так не отстанет", вспоминает о нем один из пансионских товарищей. Но зато тем, кто ему был симпатичен и близок, он готов был душу отдать. В стихотворении „К друзьям" поэт говорит о себе: „Я рожден с душою пылкой, я люблю с друзьями быть."

Лермонтов с переездом в Москву чрезвычайно много читал. Он очень любил Пушкина и хорошо его знал.

Сильное влияние на него в это время имел также немецкий поэт Шиллер, что отразилось на его первых литературных опытах, главным образом на драмах. Но не одной литературой занимался Лермонтов. В это время его начали интересовать и вопросы социального и политического порядка. Он уже в 1829 году, 15-летним юношей, следил по журналам за общественной жизнью в Европе и России. Произведения Рылеева поднимали в нем гражданские чувства; впечатления от жизни крепостных в Тарханах, может быть, в детстве не вполне осознанные, ожили в нем, — и Лермонтов с глубокой скорбью и негодованием написал о русской жизни стихотворение, которое он из осторожности назвал „Жалоба турка":

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей...
Друг! этот край... моя отчизна.

Некоторые другие стихотворения Лермонтова от 1829 года также дают указание на то, что поэт, несмотря на свои 15 лет, начал очень зорко всматриваться в жизнь и приходил к безрадостным выводам.

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?

В том же возрасте Лермонтов сделал первый набросок „Демона" с посвящением к нему:

... юных гордых дней, поэт,
Ты не вернешь: их нет, как нет;

Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя;—
Среди людей скучаю я:—
Мне впечатление не ново...

Когда Лермонтов, по своей природе живой и веселый, перешел от радостных детских впечатлений к мрачному отношению к жизни, трудно сказать и еще труднее это объяснить.

Исключительно сложна натура Лермонтова. Уже в 16 лет его жизнь пасмурна, он уже испытал „порыв отчаяния", „среди людей скучает"...

Одно ясно: Лермонтов был не из тех людей, которые бывают спокойны и довольны одним внешним благополучием.

Необычайная впечатлительность Лермонтова, жажда высокого в жизни и первые тяжелые впечатления от нее подготовили душу поэта к глубокому восприятию негодующей поэзии властителя дум того времени—Байрона.

С нового учебного 1829—30 года занятия Лермонтова с Жандро были прерваны. Место его занял англичанин Виндсон, прекрасный педагог. Бабушка им дорожила и устроила его с семьей у себя в доме. Виндсон вскоре стал вести занятия с Лермонтовым английским языком по Байрону, и через несколько месяцев Лермонтов читал свободно Байрона в подлиннике.

Поэзия Байрона производила на Лермонтова очень сильное впечатление, он зачитывался им. Он сразу почувствовал в нем что-то родственное и, читая биографию Байрона, отмечал черты сходства фактов его жизни со своей.

Прочитавши биографию Байрона, Лермонтов пишет стихотворение, из которого мы видим, что на Лермонтова Байрон подействовал не только силой своего гения, но и родственными думами и настроениями:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,

Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад—прошедшее ужасно;
Гляжу вперед—там нет души родной!

В 16 лет у поэта не было достаточных оснований называть свое прошлое „ужасным" и не видеть впереди „души родной". Но поэт так пылко воспринимал впечатления и от жизни и от чтения, что переживал их со всей силой своей горячей, искренней натуры.

ЛЕТО В СЕРЕДНИКОВЕ

Весной 1830 года Московский университетский пансион был преобразован в гимназию. Неизбежно должен был измениться весь дух учебного заведения: учебная часть вводилась в более тесные рамки, и сильно менялась воспитательная сторона, причем вводились, как мера наказания, розги. И преподаватели, и ученики очень жалели о закрытии пансиона, и многие из них отказались переходить в гимназию. Вышел из гимназии и Лермонтов. На семейном совете было решено, что он летом подготовится и осенью поступит в университет. Бабушка уехала с ним в подмосковное имение своего брата Середниково. По соседству с Середниковым в своих имениях проводили лето 18-летняя кузина Лермонтова Сашенька Верещагина, которая до конца жизни Лермонтова оставалась его искренним, верным другом, и ее подруга Катя Сушкова, умная и живая девушка. Обе они часто бывали в Середникове. Сушкова впоследствии написала воспоминания о своем знакомстве с Лермонтовым и в этих записках она признается: „Сашенька и я обращались с Лермонтовым как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности—он домогался попасть в юноши в наших глазах, декламировал нам Пушкина, Ламартина и был неразлучен с огромным Байроном. Бродит, бывало, по темным аллеям и притворяется углубленным в размыш-

ления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда. Как любил он под вечерок пускаться с нами в самые сантиментальные суждения, а мы, чтоб подразнить его, в ответ подадим ему волан или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать и скакать, чем прикидываться непонятым и неоцененным снимком с первейших поэтов". Это замечание Сушковой останавливает внимание тем, что показывает, как трудно было Лермонтову найти сверстников, понимавших его. По мнению Сушковой, Лермонтов „домогался" попасть в юноши, но .ему, вероятно, просто невозможно было чувствовать себя мальчиком: он с такой быстротой развивался, так много передумал, так много знал и понимал, что ему нечего было „домогаться". Обе девушки, умные и развитые, все же не понимали его и по легкомыслию молодости не щадили его самолюбия. Красивая, остроумная Сушкова затронула сердце мальчика; тем чувствительнее для него были ее шутки. В 18 лет девица считала себя настолько взрослой, что на 16-летнего юношу смотрела сверху вниз, и причинила ему не мало огорчений.

В это лето Лермонтов познакомился с народными песнями через учителя сына хозяйки дома, семинариста Орлова. Орлов преподавал своему ученику Аркадию Столыпину русскую словесность. Лермонтов часто и охотно беседовал с семинаристом о русской литературе, но больше всего о русской истории и о народном творчестве. Лермонтов 15-ти лет сделал в своей записной книжке заметку: „если я захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. Как жалко, что у меня была мамушка немка, а не русская—я не слышал сказок народных: в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности." Случайное знакомство с Орловым восполнило до некоторой степени этот недочет. Семинарист-учитель, сам выросший близ народа и занимавшийся русской словесностью, много сообщил поэту и сказок народных и песен.

В начале августа Елизавета Алексеевна и Михаил Юрьевич стали собираться в Москву, где он должен был держать экзамены в университет.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПЕРИОД

В конце августа Лермонтов был проэкзаменован комиссией профессоров, которая нашла, что Лермонтов достаточно подготовлен к слушанию лекций в университете.

Вскоре по возвращении Лермонтова в Москву, еще до поступления его в университет, до Москвы дошло известие о революции в Париже. Возбуждающей волной прокатилась эта весть по всей Европе.

Лермонтов энергично откликнулся на это революционное событие своей свободолюбивой душой. Его сочувствие всецело на стороне восставшего народа, и он бросает укор королю-изменнику:

. . . . . Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
. . . . . .
И брызнула в Париже кровь.
О, чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Не успели занятия в университете войти в колею, как на Россию надвинулось ужасающее бедствие—сильнейшая холера. Университет был закрыт. Холера приняла чудовищные размеры. В связи с ней крестьянские восстания охватили почти всю Россию.

„Дух буйства и своеволия распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались от повиновенья," гласит одно из многочисленных донесений в столицу. Правительство всполошилось. Во многие имения вводились военные команды. Расправа с восставшими была жестокая. Общество, главным образом помещики, перепугалось и растерялось перед призраком Пугачева.

Лермонтов отозвался на эти события стихотворением „Предсказанье", сильным по содержанию, смелым по утверждению своего пророчества.

Настанет год, России чорный год,
Когда царей корона упадет...

Лермонтов своей изумительной интуицией предугадал, что гнет с народа стряхнет только революция, организованное восстание угнетенных против угнетателей.

Идея социальной революции Лермонтову не могла быть подсказана никакой теорией или программой политической,—их тогда не было в России. Это пророчество рождено мятежной душой борца, каким и был Лермонтов с юных лет и до конца своей жизни.

В это время в России развертывались одно за другим крупные события. В сентябре вспыхнуло кровавое восстание новгородских военных поселян, которые находились под двойным гнетом: крепостного права и постоянной тяжелой военной службы. Эту систему выдумал и провел в жизнь в своих и соседних владениях жестокий Аракчеев, которого Пушкин назвал „Гением зла". Восстание охватило огромную область, и восставшие сначала держались стойко. Но стихийность этого восстания, недостаток организованности уступили силе оружия, оно было подавлено.

Лермонтов откликнулся и на это событие:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали...

Приблизительно в это время, возможно, что под впечатлением новгородских событий, Лермонтов перенесся в далекое прошлое, в пору новгородской вольности, и написал поэму: „Последний сын вольности", героем которой взят новгородский витязь Вадим Храбрый. Поэт вложил в сердце героя поэмы Вадима, „глубокую тоску души по вольности милой, по родине святой". Поэма проникнута духом борьбы за свободу.

Вообще в творчестве Лермонтова этого периода сильно проявляется революционное настроение, в нем чувствуется враг всякого гнета и насилия, он стихийно рвется к свободе и протестует против бесправия.

На свободе от университетских занятий Лермонтов написал драму „Люди и страсти".

Драма „Люди и страсти" имеет некоторое автобиографическое значение. Написана она, несомненно, под впечатлением пережитой поэтом тяжелой семейной драмы, вражды между его отцом и бабушкой. В какой мере лица, выведенные им в драме, соответствуют характеру отца, бабушки и проч., трудно сказать. Некоторая доля

раздражения против них и преувеличения их недостатков в драме несомненны.

Но нам важно знать настроение, переживания Лермонтова. В этом отношении эта драма—ценнейший документ. Лермонтов, который жил до сих пор с большой верой в людей, пережил очень сильное разочарование в близких людях. И это разочарование очень тяжело отозвалось на его дальнейшей душевной жизни. Юрий Волин, в образе которого надо видеть самого Лермонтова, говорит о происшедшей с ним перемене: „Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его?—Лучшим разговором для меня было размышление о людях.—Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнать сердце человеческое—как пламенно я любил природу—как творение человеческое было прекрасно в ослепленных глазах моих—сон этот миновался—потому, что я слишком хорошо узнал людей.“—... „Я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятия всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем.—О! друг мой!—того юношу давным давно похоронили.“

В конце года холера в Москве пошла на убыль, но занятия в университете возобновились только 12 января 1831 года. Почти половина учебного года, таким образом, пропала. Весенних экзаменов не было, и всех студентов оставили на прежних курсах.

Московский университет, как известно, сыграл большую роль в истории прогрессивного движения в России, но значение его относится к более позднему времени. Во времена пребывания в университете Лермонтова преподавание в нем было поставлено плохо. По словам известного писателя славянофила Аксакова „Солнце истины светило тогда тускло и холодно в Московском университете.“ Было несколько профессоров талантливых. Таковы, напр., шеллингианец Павлов, живые лекции которого возбуждали в слушателях больной интерес к философским вопросам; известный историк и издатель журнала „Московский вестник“ Погодин; профессор Каченовский—издатель

„Вестника Европы", но их было так мало, что не они определяли общий характер университетского преподавания. Студенты нередко проявляли свое недовольство лекциями бездарных профессоров, хотя подчас совершенно мальчишескими выходками. Но однажды, 16 марта 1831 года, против малообразованного и грубого профессора Малова студенты выступили всей массой, организованно: слушатели юридического отделения пригласили товарищей с других отделений, даже медицинского, и огромной массой устроили во время лекции профессора скандал, так что он немедленно ушел из университета. В этой истории принял участие и Лермонтов. В чем выражалось его участие в „маловской" истории, осталось невыясненным. Лермонтов не пострадал за нее, как некоторые другие студенты — инициаторы протеста, но он ждал себе кары.

Не любили студенты и многих других профессоров, хотя и не в такой степени, как Малова. По их предметам студенты не занимались и лекций не слушали. Между тем умственная жизнь студенчества была напряженная и оживленная. Этому помогли пять—шесть талантливых профессоров и постоянный обмен мнениями в студенческой товарищеской среде. Это отмечает в своих воспоминаниях Герцен: „...но больше лекций и профессоров развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтений." В то время в среде студенчества находились такие талантливейшие юноши, будущие выдающиеся люди России, как Белинский, Станкевич, Герцен, Огарев, К. Аксаков и др. с огромными умственными и общественными интересами. Умственная жизнь вокруг них и под влиянием их кипела, била ключом. Умственные интересы этого передового студенчества были разного характера, и студенты, естественно, делились на разные кружки. В знаменитом кружке Белинского, который собирался в университетском общежитии в его комнате № 11, преобладал интерес философско-литературный. Преобладающим интересом кружка Герцена были вопросы социально-политические, Станкевича—вопросы отвлеченной философии и чистого знания. Вопросы этико-философские волновали все кружки в равной мере. Собирались кружки постоянно. Споры страстные, горячие велись с увлечением,

часто всю ночь, до зари, и возобновлялись в университете между лекциями, передаваясь всей массе студенчества.

Лермонтов в университете держался особняком и случилось так, что звезды тогдашнего студенчества и Лермонтов друг друга не знали. Он в этот период жизни и не мог быть другим. Мы уже видели, как рано, как мучительно пытливо поэт начал задумываться над жизнью. При его чуткости и проницательности и необыкновенном уме, он понимал жизнь и людей несравненно глубже, чем его товарищи. И это понимание привело его к тяжелому разочарованию в людях. Кроме того, в эту пору в нем шла напряженная мучительная работа над разрешением сложных, трудных вопросов жизни, вопросов нравственного порядка. И внешние обстоятельства его жизни, как, напр., обостренная борьба отца с бабушкой, оставившая тяжелый след в душе Лермонтова, усиливали его сосредоточенность и замкнутость. А по натуре он был человек крайне независимый, не искал ни в ком опоры в разрешении мучивших его вопросов и своими думами и переживаниями не любил делиться.

Но несмотря на отчужденность и необщительность, которые как будто ставили Лермонтова вне умственных интересов товарищей, он все-таки знал жизнь студенчества, он был слишком наблюдателен. В 1831 году Лермонтов написал драму „Странный человек“ и в ней дал картинку студенческой жизни, подчеркивая характерную черту ее—споры студентов на теоретические темы.

Сцена эта, однако, уступает по силе таким замечательным для 17-летнего автора сценам, как та, в которой выступает крестьянин, и идет речь о страданиях крепостных, где Лермонтов устами Арбенина вылил пламенное негодование против рабского положения крестьян и жестокостей помещиков.

В сцене, в которой участвуют студенты, нет зажигающего настроения, какое бывало в кружках передовых студентов.

Компания студентов в 5 человек изображена не характерно для передовой университетской среды, объединяющейся на почве умственных интересов.

Только одно замечание студента Зарудкого дышит искренним, глубоким чувством к родине: „А разве мы не

доказали в 12-м году, что мы русские? Такого примера не было от начала мира!—Мы современники, и вполне не понимаем великого пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам!"

Но этот подъем патриотического чувства был близок самому Лермонтову еще со времени „Поля Бородина".

Эта сцена имеет в пьесе, повидимому, служебный характер: центр в ней—отзыв студентов об Арбенине (в образе которого Лермонтов изобразил самого себя). И в этом отношении разговор о нем товарищей чрезвычайно важен и интересен.

Студенты говорят о только что ушедшем Арбенине:

Снегин. Что с ним сделалось? Отчего он вскочил и ушел, не говоря ни слова? Чиляев. Чем-нибудь обиделся. Зарудкий. Не думаю. Ведь он всегда таков: то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и сделается подобен истукану; и вдруг, вскочит, убежит, как будто бы потолок проваливался над ним.

Снегин. За здоровье Арбенина... Он славный товарищ!

Снегин (берет в сторону Зарудкого) Правда ли, что Арбенин сочиняет?

Зарудкий. Да... и довольно хорошо.

Снегин. То-то! не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

Зарудкий. Изволь... да кстати...у меня есть в кармане несколько мелких пиэс.

И Зарудкий читает три строфы из замечательного по богатству и глубине мыслей стихотворения Лермонтова—„1831-го июня 11 дня".

Снегин. Он это писал в гениальную минуту!

Эти слова Снегина выражают, повидимому, мнение самого Лермонтова, и ценны тем, что, во-первых, мы видим из них, что это изумительное стихотворение сам поэт считает гениальным произведением. Во-вторых, эти слова выражают одну из самых характерных черт Лермонтова: правдивость, абсолютную правдивость перед самим собой. Мы потом увидим, как он в силу этой правдивости был беспощаден к себе и в оценке своих дурных поступков.

В поэме „Сашка“ Лермонтов посвятил две строфы воспоминанию об университете:

Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, корридоры,
Твоих сынов запосчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

В этом воспоминании есть некоторая доля иронии, между тем, как передовая молодежь вырабатывала тогда в ожесточенных спорах великие идеи, которые сдвинули общественное сознание с мертвой точки николаевской реакции и подготовили почву для демократов—революционеров. Круг студентов, среди которых Лермонтов вращался, был невелик, и едва ли у него была какая-либо внутренняя связь с ними.

Внешнюю сторону тогдашней жизни своей, свои отношения с молодыми людьми светского круга, свои светские удовольствия Лермонтов изобразил в романе „Княгиня Лиговская.“ Жизнь по содержанию пустая—балы, вечера, прогулки...

Отношения Лермонтова со светским обществом, со светской молодежью—это формальная сторона его жизни. Молодые люди, его окружавшие, были видны ему насквозь, он в них ровно ничего не искал, они от него ничего не требовали, и Лермонтов в их обществе развлекался, веселился, и—ничего больше.

Светская жизнь Лермонтова не дает никакого права судить о его внутренней жизни. Лермонтов не любил ни с кем делиться своими переживаниями и только в творчестве отражал свой внутренний мир, свои сокровенные думы и чувства, и потому понять Лермонтова можно прежде всего по тем его произведениям, в которых он прямо или устами действующих лиц говорит о себе. Приведем еще один отрывок из „Странного человека“, где говорится об Арбенине (т. е. о Лермонтове) словами 3-го гостя из последней сцены:

3-й гость: ... „Если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную, и какая-то глубокая печаль от самого детства

его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить их. Его насмешки не дышали веселостию; в них видна была горькая досада против всего человечества. Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая,—приводила его в бешенство, особливо когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпечаталось все его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!"

Вот истинный автопортрет. Перед нами Лермонтов юношеских годов.

* * *

Обстановка жизни Лермонтова в 1831 г. была тревожна и печальна.

Осенью, 1 октября, умер от чахотки отец Лермонтова в своей деревне Кропотово.

Искренней грустью проникнуты стихотворения, посвященные памяти отца:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...
. . . . . .
Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья...

Лермонтов был, повидимому, на похоронах отца. Об этом говорит другое его стихотворение, посвященное памяти отца.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!...

Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.

От этих стихотворений веет глубокой грустью и умиротворенностью („Мы не нашли вражды один в другом.“) И отец до конца своих дней сохранил нежное чувство к сыну. Он за три месяца до смерти написал ему завещание, которое начинается словами:

„Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобой. Тебе известна причина моей с тобою разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя с самою чувствительнейшею для себя потерею, и бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоем ко мне ничего не потерял“.

По каким-то не вполне выясненным причинам Лермонтов не пожелал больше оставаться в Московском университете и 1 июня подал прошение об увольнении.

Лермонтов не был откровенен ни в университетской, ни в домашней среде, хотя наружно, как и в обществе, по уверению Шан-Гирея, „был всегда почти весел и ровен“.

Слова Шан-Гирея лишний раз показывают, до чего был замкнут поэт. Он никому не позволял заглянуть вглубь своего духовного мира. А душевная жизнь поэта этого времени, как это видно из его произведений, была необыкновенно богата и сложна. В них поэт часто говорит о своем одиночестве, о том, что его никто не понимает. И это действительно было так. Даже любимые им девушки не понимали его вполне. Как относилась к нему Сушкова, мы видели. После ее отъезда Лермонтов горячо полюбил некую Иванову Наталию Федоровну.* Но и в Ивановой не нашел он того, чего так жаждало его сердце.

* До последнего времени в истории любви Лермонтова была большая неясность. В 1936 г. И. Л. Андроников установил отношение Лермонтова к Ивановой, и это внесло сразу ясность в понимание любовных стихотворений и личного элемента в его драме „Странный человек“.

Весной 1831 г. Лермонтов узнал, что Иванова полюбила другого, и крайне тяжело переживал ее охлаждение. Это переживание он выразил в драме „Странный человек".

Единственным человеком, с которым Лермонтов был откровенен до конца, был самим собой, у которого находил и внимание и поддержку во всех тяжелых переживаниях, была Мария Александровна Лопухина. Она была старше Лермонтова на 11 лет и относилась к нему с сестринской нежностью и привязанностью, с материнской заботой. С ней он вел всю жизнь переписку. До нас, к сожалению, дошли немногие из его писем к ней, но и по этим письмам мы видим, что отношение к этому истинному его другу было исключительное, единственное. Лермонтов, такой скрытный, так оберегавший свой внутренний мир от чьего-либо взора, перед ней ничего не скрывал и часто в письмах повторял ей: „только вам могу говорить о себе все", „я с вами говорю, как со своею совестью." Он называл ее также наперсницей его юношеских дум, говорил, что только она одна может понять его и облегчить его душевные страдания. Возможно, что к ней относится посвящение к драме „Испанцы", написанной в 1830 году:

Но ты моня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла...

Семья Лопухиных, состоявшая из старика-отца, трех дочерей и сына, играла большую роль в жизни Лермонтова не только по отношениям его к Марии Александровне. После разрыва с Ивановой Лермонтов глубоко полюбил младшую сестру Марии Александровны, Варвару Александровну. „Чувство к ней Лермонтова,— говорит Шан-Гирей,— было безотчетно, но истинно и сильно и едва ли не сохранил он его до самой смерти, несмотря на некоторые увлечения." Это чувство Лермонтова вызвало взаимность и на некоторое время дало ему то сердечное удовлетворение, которого жаждала его душа.

Вот немногие известные факты из жизни Лермонтова в период пребывания его в университете.

* * *

В произведениях этого раннего периода творчества Лермонтова заключено много автобиографического.

Во многих стихотворениях Лермонтов говорит прямо о самом себе. Таково, напр., стихотворение „1831-го июня 11 дня". Оно является как бы исповедью, дневником его, в который он внес выводы за два—три последние года тревожных, напряженных размышлений. Это стихотворение надо знать, надо вчитаться в него каждому, кто желает проникнуть во внутренний мир Лермонтова. Оно является искренним и полным отражением таких серьезных настроений и таких глубоких дум, зрелость которых поражает в 16—17-летнем юноше. По одному этому стихотворению видно, какие могучие душевные силы зреют в Лермонтове-юноше. В этом длинном стихотворении не только нет ни единого слова лишнего, но, напротив, чувствуется, что у поэта не достает средств охватить и выразить огромный мир своей души: „Холодной буквой трудно объяснить боренье дум." „Пыл страстей возвышенных я чувствую, но слов не нахожу и в этот миг готов пожертвовать собой, чтоб как-нибудь, хоть тень их перелить в другую грудь".

Лермонтов очень рано начал присматриваться к разнообразным сторонам жизни, искать смысла в ней и определять свое место в жизни. Он

Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной...

Университетский период является самым богатым по количеству написанного Лермонтовым. За это время им написано около трехсот стихотворений, три драмы, несколько поэм. О нем самом можно сказать его же словами:

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу...

При его душевном богатстве, могучем воображении, чрезвычайной впечатлительности и чуткости, можно представить себе, сколько оттенков мыслей, настроений вносил он в свои произведения.

Дать понятие о всем творчестве Лермонтова в небольшом очерке невозможно. Только внимательное чтение произведений Лермонтова этого периода может дать полное представление о том, чем он жил тогда, что волновало и мучило его. Конечно, не все произведения Лермонтова одинаково важны для понимания его душевной жизни. Некоторые из них носят случайный характер. И для того, кто хочет впервые разобраться в юношеских настроениях поэта, важно выделить те основные вопросы, которые занимали его в этот период жизни.

Основной стихией его сложной и глубокой натуры была рано осознанная им страстная жажда жизни и жажда великого подвига в ней.

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный...

Лермонтов чувствовал в себе этот великий, могучий и чудесный источник жизни. Это очень ясно определил он в указанном замечательном стихотворении „1831-го июня 11 дня".

Так жизнь скучна, когда боренья нет...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанья и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что-ж? Мне жизнь все как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых...

Жажда подвига, героического дела была так сильна в Лермонтове, что она переходила в инстинктивное угадывание своего великого назначения.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.

И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

Лермонтов чувствовал в душе своей не только жажду героического дела, но и ту силу, которая приводит к проявлению героизма. Вспоминая о величии Кавказа, поэт сказал о себе:

От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный.

И он верил в свои силы.

Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений...

Из этих немногих строк мы видим, какие могучие силы бродили в душе поэта и жаждали выхода. А для выхода таким силам и для приложения их в жизни нужна свобода. И в душе Лермонтова с этой жаждой великого участия в жизни, с кипением в его крови „бурь мятежных" неразрывно, органически связана и любовь его к свободе.

В годы студенчества Лермонтова разрешением сложных вопросов жизни, мечтами о свободе были заняты все передовые люди того времени—особенно университетская молодежь. Лермонтов не был в этом отношении одиночкой. Но в нем не только в силу его гениальности, но прежде всего в силу его бурной, пылкой натуры эти стремления пламенем охватывали его сердце и терзали его. Он говорит о себе:

Ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился...
. . . . . .
Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели.

Одна только мечта о великом, о свободе никогда ни на минуту не успокоила бы его пылкого нрава. Ему нужна была борьба за великое дело, борьба с условиями, обстоятельствами жизни, с людьми, даже с самим собой, во имя высокого идеала жизни.

Это одна из главных потребностей его натуры; потому-то для него „жизнь скучна, когда боренья нет".

Это боренье ему нужно было и во имя подвигов и во имя свободы.

Свободолюбивое настроение Лермонтова выражается не только в стихотворениях общественного и политического характера, но им проникнуты и многие его лирические стихотворения и его поэмы.

Любовь к свободе золотой
Мне сохранил мой жребий чудный.

Дайте волю, волю, волю и не надо счастья мне.

Ему была нужна свобода безграничная, она нужна была ему для полного проявления всех сил его души.

Поэт говорит, что никто так не оценит прекрасное и высокое в жизни:

Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

Стремленья Лермонтова того времени были смутны: не чувствуется за ними реальной почвы, на которую он опирался бы в своих грандиозных мечтах о великом деле. Но надо вспомнить, какова тогда была жизнь. Людям с большими душевными запросами было тяжко жить. По словам Лермонтова, сильные люди появляются иногда,

Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.

Живи Лермонтов в кипучую революционную эпоху, он, жаждущий великого подвига, за него отдал бы жизнь свою.

В то время придавленная николаевским режимом жизнь не давала возможности не только приложить на деле эти высокие стремления, но даже уточнить и уяснить их. Чуткий поэт на каждом шагу видел несоответствие его нравственных требований с реальной жизнью. Проницательный ум его, острая наблюдательность помогли ему очень хорошо понять отрицательные стороны окружающего, а это, естественно, привело к разочарованию в жизни, внесло в его душу разлад: он не мог отказаться

от искания цели жизни и не мог примириться с жизнью, в которой видел так много пошлости и низости, а для борьбы с нею в одиночку—не было почвы.

Раньше всего Лермонтов разочаровался в обществе, в „свете“, в котором вращался:

Но свет чего не уничтожит,
Что благородное снесет,
Какую душу не сожжет,
Чье самолюбье не умножит,
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

... Передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог,
И гордых дум не постигал...

Светское общество по мнению поэта, „ничтожная толпа“, „собрание глупцов и злодеев.“

Герой драмы „Люди и страсти“ Волин, в лице которого Лермонтов изобразил себя, говорит, что когда-то нетерпеливо он старался узнавать сердце человеческое, считал людей прекрасными, мечтал о свободе человечества, но сон этот миновался, потому что он слишком хорошо узнал людей... „Их несправедливости и злоба оттолкнули меня навсегда“. А в предисловии к драме „Странный человек“ Лермонтов уже непосредственно сам заявляет: „Справедливо ли описано у меня общество? —Не знаю! Но крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени, и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня“!..

Очень понятны становятся слова поэта:

...Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны...

В течение всего отмеченного нами периода жизни Лермонтов охвачен постоянной, глубокой тоской по высокому, но неясному идеалу:

Он был рожден под гибельной звездой,
С желаньями безбрежными, как вечность.

Лермонтов ищет ответа на свои огромные запросы к жизни, не находит их, и это порождает в нем дух неукротимого протеста против жизни и людей. Потому-то мотивы разочарования в поэзии Лермонтова не подавляют, не внушают уныния, а напротив, поднимают и возвышают наше настроение. Всю силу своего протеста, все свои тревожные мысли и чувства, которые выстрадал поэт в юношеские годы, он выразил в поэме „Демон", занимавшей его почти всю жизнь.

„Демона" Лермонтов начал писать 15-ти лет, в 1829 г., несколько раз переделывал поэму и закончил ее только в 1838 году, немного изменив ее в 1841 году. Первоначальный набросок „Демона" сделан, может быть, под влиянием западно-европейской литературы, в которой образ сатаны разрабатывался целым рядом великих поэтов. Лермонтов-мальчик остановился именно на этом образе, чувствуя душевное родство с ним.

Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных видений
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебно сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася...

Это душевное родство повело к тому, что Лермонтов не расставался с „Демоном," пока не пережил в себе те чувства и мысли, какие лежали в основе этой поэмы. Если Пушкин сравнительно быстро расстался с образом демона, то Лермонтов в 16 лет предчувствовал, что он ст нет спутником его на всю жизнь:

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучем чудесного огня;
Покажет образ совершенства

И вдруг отнимет навсегда,
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

По мере того, как мужал поэт, больше узнавал жизнь, больше думал над ней, образ демона осложнялся. О нем нам еще придется говорить дальше.

По стихотворениям и ранним поэмам Лермонтова, например „Кавказский пленник", „Черкесы" „Корсар" и др., легко заметить, что некоторые сюжеты и образы их поэт не мог почерпнуть из своего личного опыта и они возникли под влиянием Пушкина, Байрона или других европейских крупных писателей. Заимствование темы, образа, однако, нисколько не умаляет в Лермонтове его самобытности и оригинальности. Он был слишком индивидуален, своеобразен и силен, чтобы долго оставаться под чьим-либо влиянием и вполне ему подчиняться. Он жаждал своего собственного решения вопросов жизни. Он настойчиво искал собственного пути.

В юношеской поэзии Лермонтова очень много байроновских настроений, и Байрон долго был любимым его поэтом, потому что у него с Байроном было большое душевное родство. И даже во внешних фактах их жизни много случайных совпадений. На творчество Лермонтова Байрон влиял несомненно, особенно в университетский период его жизни. Но Лермонтов рано освободился от подражания Байрону, продолжая любить его, как близкого по духу поэта:

Нет я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

Основные мотивы лирики Лермонтова отразились и в его поэмах: жажда борьбы, мятежные порывы, любовь к свободе, мечта о счастьи, борьба с людьми и судьбой, месть за разбитые надежды.

В более ранней поэме „Последний сын вольности" герой ее Вадим, „свободы витязь молодой", с „восторгом души" думает о родине; он готов служить „жизни и счастью родной страны" и, хотя он погиб, не достигнув цели, с его именем—„тенью вольности"—связывается идея борьбы за народную свободу.

В стихотворении „Отрывок", которое должно было войти в предполагаемую поэму „Мстислав Черный", Лермонтов выражает еще полнее стремление героической натуры к великому делу борьбы за независимость родины и за свободу:

Свой замысел пускай я не свершу,
Н он велик—и этого довольно;
Мой час настал;—час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда...

Герои всех его поэм сильные люди, гордые, независимые, искренние, горячие . .

Под ударами судьбы они не только не смиряются, но ожесточенно протестуют, становятся врагами преследующих их ничтожных людей.

Из поэм этого раннего периода большой интерес представляет поэма „Измаил-бей", из жизни кавказских горцев.

„Измаил-бей" написан в 1832 году. Население Кавказа вело тогда упорную, ожесточенную войну с русскими войсками за свою независимость. Лермонтов всецело был на стороне народов, защищающих свою свободу. Он еще в 1830 году выразил это чувство в стихотворении:

Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

В образ горца Измаила Лермонтов вложил много своего личного.

Измаил не мирится с обыденной будничной жизнью:

Он для великих создан был страстей,
Он обладал пылающей душой.

Толпа не любит таких людей за то, что они ее презирают. Обманутый светской столичной средой, в которой Измаил провел молодость свою, он потерял доверие к людям, а без доверия нет и уважения: Измаил стал презирать людей за их ничтожество.

...И боялся
Он верить только потому,
Что верил некогда всему!

И презирал он этот мир ничтожный
Где жизнь—измен взаимных вечный ряд,
Где радость и печаль—все призрак ложный!..

Лермонтов отмечает еще одну замечательную черту в Измаиле,—чувство высокого назначения в жизни и непоколебимую стойкость в осуществлении его. Измаил говорит любящей его девушке:

Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.

Измаил страстно отдается борьбе за независимость своей страны и ведет за собой вольнолюбивый свой народ, который

... биться рад
За дело чести и свободы.

Неугасимое чувство свободы и героическая борьба за нее горских народов были так близки душе Лермонтова.

Прекрасен ты,
Суровый край свободы!

За период университетской жизни Лермонтов написал три драмы: „Испанцы", „Люди и страсти" и „Странный человек". Все они проникнуты духом протеста против недостатков жизни и людей.

Автобиографический элемент драмы „Странный человек" касается, главным образом, отношений Лермонтова с Ивановой и тех настроений, какие переживал Лермонтов. Главный герой драмы, Владимир Арбенин, интересен как выразитель исканий Лермонтова и разочарования в окружающем обществе и полного одиночества его: „Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно"...

С большей горечью он говорит о крушении своих планов служения обществу: „Где мои исполинские замыслы? К чему служила эта жажда к великому? Все прошло!"

Эта драма затрагивает и вопрос социальных отношений. Лермонтов дает в ней картину резкого контраста между праздной, мелочной, ничтожной по интересам

жизнью господствующего класса и беспросветной, рабской жизнью крепостных крестьян. Очень яркими красками нарисована Лермонтовым сцена, когда приходит ходатай от крепостных крестьян к товарищу Арбенина с просьбой купить их и избавить от ужасающих жестокостей и произвола их помещицы. Лермонтов словами Арбенина выразил горячее негодование против несправедливости в человеческих отношениях.

Выслушав жалобы старика--крестьянского ходока на зверства помещицы, Арбенин воскликнул: „О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство—все куплено кровавыми слезами.—Ломать руки, колоть, сечь, выщипывать бороду волосок по волоску! О, боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... Один рассказ приводит меня в бешенство... О, мое отечество, мое отечество!'

Еще большую силу протеста против несправедливых социальных отношений Лермонтов проявил в повести „Вадим". Борьба угнетенного крестьянства за свою свободу и независимость, ненависть его к своим угнетателям нарисованы Лермонтовым очень живо, ярко: накипание недовольства, брожение среди крестьян, типы бродяг и нищих—самых обездоленных элементов общества—картины мятежа, буйства—все обрисовано с поразительным для 17-летнего юноши знанием и пониманием народной жизни и психологии крестьян.

Герой Вадим - поразительный образ: физически—урод, по душевному складу—сила несокрушимая. В повести много глубоких рассуждений обобщающего характера. По форме эта повесть—произведение юношеское, незрелое: приподнятый тон, длинноты в описаниях, но по содержанию, по глубине и тонкости понимания изображаемого она чрезвычайно значительна и очень характерна для Лермонтова.

Повесть осталась незаконченной, так как настало время отъезда Лермонтова из Москвы в Петербург. По приезде в Петербург он еще работал некоторое время над ней; потом обстоятельства жизни поэта так круто изменились, что ему было трудно вернуться к ней. Но тема, положенная в основу повести, была дорога Лермонтову. Он замышлял разработать ее в большом романе, о чем говорил незадолго до смерти.

ПЕРЕЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

В августе 1832 года Лермонтов с бабушкой переехал в Петербург. Михаил Юрьевич должен был поступить в университет.

За промежуток со времени отъезда из Москвы в Петербург и до поступления в школу сохранилось несколько чрезвычайно интересных писем и стихотворений, которые служат ценным материалом для понимания его душевного состояния. И мы видим, что мучительные вопросы о назначении в жизни не оставляют ни на минуту эту беспокойную, мятежную натуру, даже в такой момент, когда жизнь как будто выбила его из колеи.

Не понравился Лермонтову Петербург, и он сейчас же определил свое впечатление в письме к другу:

Увы! Как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой...
... Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

Петербургское общество Лермонтова нисколько не заинтересовало, и он опять очень остро почувствовал свое одиночество. „Видел я образчики здешнего общества: дам очень любезных, молодых людей очень воспитанных; все они вместе производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором с первого разу можно заблудиться, потому что хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями". Чувство одиночества Лермонтов выразил в том же письме стихотворением:

Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпой
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И все, что чувствует—он чувствует один!

В Петербурге, несмотря на новизну обстановки, разнообразие впечатлений, он мучится попрежнему. Неот-

ступная мысль о том, что он не осуществит в жизни своего высокого призвания, не оставляет его в покое. Он пишет в письме:

„Странная вещь! Только месяц тому назад я писал:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию на зло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело;
Пор , пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман:
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

И пришла буря, и прошла буря; и океан замерз, но замерз с поднятыми волнами; храня театральный вид движения и беспокойства, но в самом деле мертвее, чем когда-нибудь". Дальше он пишет: „Одна вещь меня беспокоит: я почти совсем лишился сна—бог знает надолго ли; не скажу, чтобы от горести; были у меня и больше горести, а я спал крепко и хорошо; нет, я не знаю: тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит."

2 сентября Лермонтов посылает Лопухиной стихи, которые он сочинил на берегу моря. Стихи эти дают гениальный образ мятежной души поэта:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой:
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

В половине сентября выяснилось, что в Петербургском университете не зачисляют Лермонтову двух лет, про-

ведениых в Московском университете. Приходилось, таким образом, поступить на первый курс. Кроме того, как раз с этого учебного года вводился еще один курс—4-й. Ему хотелось скорее, скорее вырваться на волю, на простор жизни, занятия же в университете ему были скучны, порядки тягостны... Он так и писал к А. Лопухину: „К трем невыносимым годам прибавили еще один".

Что же оставалось делать? После долгих семейных совещаний Лермонтов решил поступить в школу гвардейских подпрапорщиков, которую он мог окончить в 2 года. Вот, повидимому, главный мотив, определивший этот крутой поворот в жизни Лермонтова, этот роковой шаг. Не без внутренней борьбы Лермонтов принял такое решение. По этому поводу он писал своему другу М. А. Лопухиной:

„Не могу представить себе, какое впечатление произведет на вас моя важная новость; до сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вот теперь я воин. Быть может, это особенная воля провидения; быть может, этот путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулею в груди—это стоит медленной агонии старика. Итак, если начнется война, клянусь вам богом, что всегда буду впереди".

Эти рассуждения о том, как лучше умереть, показывают, что решение о поступлении в военную школу принято Лермонтовым неожиданно для него самого, и он еще не сжился с ним и нет в душе его спокойного, определенного отношения к нему. Дальше в этом же письме он пишет:

„...Теперь более чем когда-либо буду нуждаться в ваших письмах; они доставят величайшее наслаждение в моем будущем заключении и послужат единственной связью между тем, что было, и между тем, что будет; мое прошлое и будущее и теперь уже идут в разные стороны, и между ними барьер из двух печальных тяжелых лет"... Из этих последних слов ясно видно, что никаких иллюзий относительно поступления в школу у него не было, он не обольщал себя никакими надеждами, руководился одной мыслью—мыслью о близкой свободе.

В ответ на сообщенную М. А. Лопухиной новость

Лермонтов получил письмо, которое представляет большой интерес для характеристики внутреннего мира Лермонтова и нравственного облика писавшей его. Письмо показывает нам, какое теплое и глубокое сочувствие к Лермонтову проявляли те, кто понимал его.

Писем к Лермонтову сохранилось очень мало, а таких дружеских, полных участия и понимания, много говорящих о задушевных отношениях крайне замкнутого, несообщительного поэта—только два. Приводим поэтому ответ этот почти полностью:

„Москва. 12 октября 1832 года.

Только что получила ваше письмо от 3-го сего месяца, я не знала, что это день вашего рождения, с которым, мой дорогой, хотя немного поздно, поздравляю вас. Не могу вам выразить то огорченье, которое причинила мне сообщенная вами неприятная новость. Как, после стольких страданий и трудов лишиться надежды воспользоваться их плодами и быть вынужденным вести совершенно новый образ жизни? Это, поистине, неприятно. Я не знаю, но все же думаю, что вы действовали с излишней стремительностью, и, если я не ошибаюсь, это решение было вам внушено Алексеем Столыпиным, не правда ли?

Я вполне понимаю, как вы должны были быть смущены этой переменой, т. к. вас никогда не приучали к военной службе... И на военном поприще у вас будет возможность отличиться. С умом и способностями можно быть счастливым повсюду. К тому же вы столько раз говорили мне, что если война загорится, вы не захотите остаться праздным. Вот теперь сама судьба бросает вас на путь, который даст вам все возможности отличиться и стать знаменитым воином. Это не помешает вам заниматься и поэзией: отчего же? Одно не мешает другому, напротив, это сделает вас только более интересным военным.

Итак, милый мой, сейчас для вас настал самый критический момент, ради бога помните, насколько возможно, обещание, которое вы мне дали перед отъездом. Остерегайтесь сходиться слишком быстро с товарищами: сначала хорошо их узнайте. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы тотчас увлече-

тесь. Особенно избегайте молодежи, которая изощряется во всякого рода выходках и ставит себе в заслугу глупые шалости. Умный человек должен стоять выше этих мелочей, это не делает чести, наоборот, это хорошо только для мелких умов, оставьте им это и идите своим путем...

Вы хорошо сделаете, прислав, как вы говорите, все написанное вами до сих пор. Вы знаете, я честно сохраню присланное, и когда нибудь вы с удовольствием все прочтете. Если вы продолжаете писать, не делайте этого никогда в школе и ничего не показывайте вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь причиняет нам гибель.

Надеюсь, что пребывание в школе не помешает в свою очередь и вам писать мне; если у вас не будет времени делать это каждую неделю, ну что же, тогда раз в две недели. Только пожалуйста не лишайте меня этого утешения. Мужайтесь, мой милый, мужайтесь, не давайте недовольству сломить вас, не отчаивайтесь, поверьте все пойдет хорошо. Я вовсе не стараюсь вас утешить, но какой-то тайный голос говорит мне, что все будет хорошо. Правда, теперь мы увидимся не раньше, чем через два года, меня это, конечно, огорчает, для вас же, может быть, так будет лучше. Два года достаточный срок для того, чтобы выздороветь и стать вполне благоразумным.

Поверьте, я не утратила способности вас понимать, но что же вам сказать? Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой, вообще же ее жизнь так однообразна, что многого о ней не скажешь: сегодня, как вчера. Я полагаю, что вы не огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни—ведь это охраняет ее от всякого искушения; что же касается меня, я пожелала бы ей немного рассеяться; как можно, чтобы молодая особа слонялась из комнаты в комнату, к чему приведет такая жизнь? Только к тому, чтоб стать ничтожным созданием. Ну что? разгадала ли я вас, этого ли удовольствия вы от меня ждали?

Мне остается ровно столько места, чтобы попрощаться с моим милым гусаром. Как бы я хотела видеть вас в форме, с усами. Прощайте, сестры и брат кланяются вам. Засвидетельствуйте мое почтение бабушке."

Это письмо впервые привел в своих воспоминаниях о Лермонтове А. П. Шан-Гирей с такой заметкой: „Считаю не лишним сообщить еще одно письмо к Лермонтову старшей сестры Верещагиной, написанное к нему вскоре по вступлении его в школу. Письмо это и вышеприведенное (Ш.-Г. привел еще письмо кузины Лермонтова А. М. Верещагиной, с которой поэт был тоже дружен до конца жизни) показывает, какое нежное чувство дружбы могли иметь к нему две женщины, замечательные по умственным и душевным качествам своим".

Шан-Гирей говорит об исключительно дружеских отношениях Лермонтова с этими двумя женщинами, т. е. с сестрами Верещагиными. Вопрос о старшей Верещагиной, о ее существовании, кажется нам чистейшим недоразумением.

Невольно является вопрос, как Шан-Гирей, говоря о двух женщинах, дружба которых играла такую большую роль в жизни Лермонтова, мог не вспомнить Марию Александровну Лопухину, в то время, как отношение Лермонтова к ней было исключительно дружественным и сердечным, что видно по письмам его к ней?

Вот несколько отрывков из них... Из письма в октябре 1832 г.: „Вам одной я могу говорить все, что думаю, и хорошее и дурное; я уж доказал это моей „исповедью"... (Письмо с исповедью не сохранилось).

Из письма от 23 дек. 1834 г.: „Я говорю так потому, что только с вами решаюсь быть искренним; потому что только вы одна сумеете пожалеть меня"...

Из этого же письма:... „Мне хотелось бы с вами повидаться... возле вас я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви и преданности"... Из письма 1839 года: ...„с вами же я говорю, как со своею совестью"...Из письма к А. М. Верещагиной весной 1835 г... причиной того, что не писал и вам и m-lle Marie был страх, что я почти не достоин более вашей дружбы, ибо от вас обеих я не могу скрывать истину, от вас, наперсниц юношеских моих мечтаний".

На протяжении всей своей жизни Лермонтов сохраняет к Марии Александровне исключительную дружбу, единственно с ней вполне откровенен. А Шан-Гирей как будто забыл о ней.

С другой стороны, как-то странно, что Лермонтов, в

своих письмах к М. А. Лопухиной часто говорит об Ал. Мих. Верещагиной и ни разу не вспомнил о „старшей Верещагиной“,—авторе прекрасного письма к нему в одну из тяжелых для него минут. Внутренний облик автора письма очень ясно рисуется по этому письму: умная в высшей степени участливая, преданная и понимающая поэта... Это письмо несравненно ценнее, чем шутливое письмо А. М. Верещагиной, а он ни разу не упомянул об авторе его, исключил его как будто из числа тех, с кем был близок и откровенен. Вопрос очень ясен: Шан-Гирей или опустил слово „двоюродная“, или просто обмолвился: говоря об Александре Мих. Верещагиной, он и Марию Александровну назвал тоже Верещагиной. Для нас во всяком случае несомненно, что автор письма от 12 октября 1832 года и есть Мария Александровна Лопухина.

Эта мысль подтверждается и другими соображениями: нет ни одного указания ни в родословных книгах, ни в мемуарной литературе на существование „старшей Верещагиной“.

В мемуарной литературе есть точные указания, что Ал. Мих. жила только с матерью; нигде нет указания ни на сестру, ни на брата, а в приведенном письме есть поклон Лермонтову от сестер и брата.

М. А. Лопухина же жила с братом Алексеем и младшими сестрами Елизаветой и Варенькой.

В письме к М. А. Лопухиной от 2 сент. 1832 г. Лермонтов в P. S. пишет: „Мне бы очень хотелось сделать вам небольшой вопрос, но не решаюсь написать. Коли догадаетесь, хорошо, я буду доволен“... В ответе „старшей Верещагиной“: „Поверьте, я не утратила способности вас понимать, но что же вам сказать? Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой...“ и т. д. Речь идет, несомненно, о Вареньке. Неужели Лермонтов мог с таким сокровенным вопросом в одной и той же форме обращаться и к Мар. Ал. и к кому-то еще?—Едва ли.

Окружение Лермонтова необходимо знать, чтобы лучше понять его, тем более должно интересовать самое близкое лицо поэту. Мария Алекс. Лопухина была единственной женщиной, которая умела вызывать Лермонтова на полнейшую откровенность. Он не щадил себя перед ней, считал ее своей живой совестью. Благодаря письмам

Лермонтова к этому единственному, настоящему его другу мы можем заглянуть в душу поэта и понять его. Какова же была эта женщина? Приведенное письмо проливает на нее некоторый свет.

ЛЕРМОНТОВ В ГВАРДЕЙСКОЙ ШКОЛЕ

14 ноября 1832 года Лермонтов был зачислен юнкером в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Жизнь его резко изменилась. Из семейной атмосферы, проникнутой чувством безграничной любви к нему, свободолюбивый юноша, самостоятельно распоряжавшийся своим временем, приученный к тому, что всякое его желание исполняется, вдруг попал в тиски военной школы с николаевским режимом. Если ему казались стеснительными порядки университетской жизни, то как он должен был почувствовать себя в военной школе с ее строго регламентированным режимом? Недаром, поступая в нее, он назвал ее в письме к Лопухиным „заключением". Одно утешало его—„только два года!"

На беду Лермонтова, как раз в этом году в школе ввели новые, несравненно более стеснительные правила дисциплины. Во главе военных школ стал великий князь Михаил Павлович. Он особое свое внимание обратил на фронтовые занятия и обучение строю. Прежняя „либеральная", по мнению Николая I, система в постановке школы признана была им „пагубной", и решено было школу „подтянуть". Учебная программа была сужена, занятия литературой запрещались. Состав учащихся определялся исключительно аристократической богатой молодежью, в преобладающей своей массе совершенно чуждой умственным интересам. Насколько строго, мелочно, придирчиво относилась школа к выполнению внешней дисциплины, настолько же снисходительна была к нарушениям внутренней дисциплины, и в школе, по словам Шан-Гирея, „царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бамбошерства".

Если в Московском университете Лермонтов волей был держаться в стороне от студентов, то в школе должен был жить в постоянном тесном общении с юнкерской моло-

дежью, иначе он стал бы в глазах товарищей „отщепенцем" останавливал бы на себе особое внимание их, чего он так не любил. Никакая маска не защитила бы теперь его внутреннюю жизнь от постоянного наблюдения окружающих. Быть „как все" сделалось лучшим средством защиты его „я". И Лермонтов внешне слился с юнкерской средой. Как человек живой, общительный, инициативный и самолюбивый, он не мог оставаться в тени. Ему нужно было первенствовать и властвовать, а для этого нужно было проявлять себя по части главных „доблестей", ценимых гвардейской молодежью. Внешне Лермонтов не только не старался отстраняться от пустых и пошлых развлечений юнкеров, но как будто охотно отдавался им. Как всегда, он пишет обо всем с полной откровенностью М. А. Лопухиной. Вот отрывок из его письма к ней от 19 июня 1833 г.:

„С тех пор, как я не писал к вам, со мной случилось так много странных обстоятельств, что я, право, не знаю, каким путем итти мне, путем порока или глупости. Правда, оба эти пути часто приводят к той же цели. Знаю, что вы станете увещевать, постараетесь утешать меня—было бы напрасно! Я счастливее, чем когда-либо, веселее любого пьяницы, распевающего на улице! Вас коробит от этих выражений; но увы! скажи, с кем ты водишься—и я скажу, кто ты!"

На лето юнкера отправлялись в лагери. Лагерная жизнь гораздо ближе познакомила Лермонтова с нравами и обычаями юнкерской среды. Юнкера и с ними Лермонтов вели жизнь полную всяческих пустых развлечений.

Многие посетители музея спрашивают—как Лермонтов, сильный, богатый внутренним содержанием человек, мог опуститься до такой пустой, пошлой жизни? Ответ на этот вопрос мы найдем в самом достоверном источнике—в письме Лермонтова к его самому близкому другу М. А. Лопухиной.

„4 августа 1833 года.

...Мы возвратились в город и скоро опять начнем наши занятия. Одно меня ободряет—мысль, что через год я офицер! И тогда, тогда . . .. Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намерен вести! О, это будет

восхитительно! Во-первых, чудачества, шалости всякого рода и поэзия, залитая шампанским."

Лермонтов с нетерпением ждет окончания курса, жаждет свободы, независимости и наслаждений и тут же дает очень строгую оценку этим планам, объясняя, почему он идет вразрез со своими прежними высокими мечтами.

— „Я знаю, что вы возопиете; но увы! Пора моих мечтаний миновала; нет больше веры; мне нужны материальные наслаждения, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотом, чтобы я мог носить его с собой в кармане, как табакерку, чтобы *оно только обольщало мои чувства, оставляя в покое и бездействии мою душу!*" (Курсив мой. М. Н.) Вся его предшествующая работа над собой была самоопределением („жадно я искал самопознания"), он уяснял свои высокие стремленья, свои идеалы и свое место в жизни для осуществления этих идеалов, но не нашел ответа, и это его мучило и привело к утрате веры в возможность деятельной, полной значения жизни. В этом письме Лермонтова что ни слово, то прожектор, освещающий тайники его душевного состояния.

„...Вы видите, милый друг, что с тех пор, как мы расстались, я таки несколько переменился. Как скоро я заметил, что прекрасные грезы мои разлетаются, я сказал себе, что не стоит создавать новых; гораздо лучше, подумал я, приучить себя обходиться без них. Попробовал и походил в это время на пьяницу, старающегося понемногу отвыкать от вина; труды мои не были бесполезны..."

Эти слова ясно говорят и о силе прежних увлечений, и о горечи разочарования, которое охватило Лермонтова, когда он увидел, что на свои запросы к жизни он не найдет ответа. Свою исповедь поэт вдруг обрывает: „но, поговорим о другом". Дальше идет речь о семейных делах Лопухиных. Но немного он поговорил о „другом". Опять и опять боль души прорывается наружу. Он, ведь, беседует с единственным человеком, который его понимает, сочувствует ему и перед которым он вполне, до конца искренен и откровенен, и ему хочется сказать о себе всю правду... „Предупреждаю вас, что я не тот, каким был прежде: и чувствую и говорю иначе,

и бог весть, что из меня еще выйдет через год. Моя жизнь до сих пор была рядом разочарований, теперь они смешны мне, я смеюсь над собой и над другими.“ Сколько скорби слышится в этом смехе над своими прежними мечтами! Это уже приближение к той последней черте, до которой доведет Лермонтова разлад между высокими требованиями его к жизни и низкой действительностью.

Удалить причину своих страданий Лермонтов не мог. Их надо было заглушить, как при сильных физических болях, с помощью обезболивающих средств. „Восхитительная“ жизнь была Лермонтову нужна как наркотическое средство. Другого способа утолить свою душевную неудовлетворенность он не находил, а это бурное легкомысленное веселье возбуждало его нервы, давало некоторый простор для проведения этой новой его программы жизни. В этом убеждают нас слова самого же поэта: герой драмы „Странный человек“ Владимир Арбенин, в лице которого Лермонтов выводит себя, восклицает: „О, как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самосознания, которая с младенчества была моим уделом.“

Лермонтов, как порывистая, горячая натура, может быть, и переходил границы в развлечениях, но эти крайности не пустили корней в его внутренней жизни. Такая реакция после того, к чему Лермонтов пришел в конце московского периода жизни, психологически неизбежна. С чем он приехал в Петербург? Как коротко можно определить его состояние? Лермонтов сам дает ответ:

В душе моей как в океане
Надежд разбитых груз лежит.

А его личные бури кончились тем, что он выразил в письме в августе 1832 г.

„И пришла буря, и прошла буря. И океан замерз, но замерз с поднятыми волнами.“

Что оставалось делать Лермонтову в таком душевном состоянии?—Заглушать его И он заглушил на время и свои порывы и свои личные чувства.

Лермонтов охотно принимал участие в различных проявлениях молодечества, сам бывал инициатором их, за что попадал под арест.

В школе очень ценилась физическая сила. Лермонтов, владея ею и ловкостью, состязался с первы[illegible] илачом школы, который вязал руками шомпола в узл[illegible] ак веревку.

По отзывам Меринского, оставившего воспоминания о Лермонтове, Лермонтов был в хороших отношениях почти со всеми юнкерами, проявляя в общении с ними веселость, живость, остроумие. Многие из них охотно бывали у него на дому. Зимой 1834 г. кто-то из юнкеров предложил издавать школьный рукописный журнал. „Школьная заря". Поэмы Лермонтова в этом журнале весьма ярко рисуют разнузданность юнкерской среды. Но, несмотря на такую пустую жизнь, в душе поэта не иссякал „источник великий и чудесный", и охранял поэта от воздействия школы. Для товарищей он писал стихи в их вкусе, но тщательно скрывал от них то, что писал для себя. Потому-то никто, ни один из его школьных товарищей не предугадывал в нем будущего великого поэта. Меринский вспоминает о Лермонтове: „По вечерам, после учебных занятий, поэт наш часто уходил в отдаленные классные комнаты, в то время пустые, и там один просиживал долго и писал до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамеченным товарищами. Иногда он занимался рисованием, он недурно рисовал и любил изображать кавказские виды".

В школе Лермонтов написал поэму „Хаджи Абрек", он работал над „Демоном", дал новый очерк его; продолжал повесть „Вадим". Делал наброски автобиографического характера, которые потом вошли в поэму „Сашка". Лирических стихотворений он не писал и по настроению своему не мог писать их. Одно из немногих стихотворений, написанных в школе,—„Когда надежде недоступный"—замечательно как выражение настроения Лермонтова, идущего в разрез с тем, что давал он для „Зари". Школа не угасила его „пламень неземной", но задержала его проявление. Того, что Лермонтов написал за это время, конечно, чрезвычайно мало для его таланта. И дома Лермонтов ничего не писал. Меринский, часто по праздникам бывавший у Лермонтова, говорит: „всякий раз, как я заходил в дом к Лермонтову, почти всегда находил его с книгой в руках, и книга эта была „Сочинения Байрона", а иногда Вальтер Скотт на английском

языке"... Пишущим Меринский его не видел. Шан-Гирей, который ближе всех видел жизнь Лермонтова, писал: „Домой он приходил только по праздникам и воскресеньям и ровно ничего не писал". Школа, несомненно, отняла у Лермонтова много времени, сказалась на его манере держать себя с людьми с некоторой развязностью но в общем глубокого следа не оставила, хотя сам он и назвал годы пребывания в ней „страшными годами", (но мы знаем, как поэт был беспощаден в самокритике). Влияние школы на него оказалось поверхностным. По выходе Лермонтова из школы к нему приехал друг его ранней юности А. А. Лопухин. Эта встреча воскресила в нем воспоминания лучшей поры его жизни и, как он сам выразился, „двух ужасных лет как не бывало". И А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях утверждает, что влияние гвардейской школы на Лермонтова „пропало, как с гуся вода".

ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА ОФИЦЕРСКОЙ ЖИЗНИ

1835 и 1836 г.г.

22 ноября 1834 года высочайшим приказом Лермонтов был произведен в корнеты лейб-гвардии гусарского полка. Полк стоял в Царском Селе, но Лермонтов большею частью жил у бабушки в Петербурге, а в Царское наезжал на учебу, дежурства и парады. Бабушка не пожалела средств и экипировала внука на славу. На нем все было с иголочки, все великолепное, все дорогое. И в других отношениях бабушка обставила его жизнь так, как это было, по ее мнению, необходимо для блестящего гвардейского офицера: подарила ему тройку прекрасных лошадей, роскошный экипаж, выписала из Тархан слуг и назначила на его расходы 10 тысяч рублей в год.

Мечты осуществились. Наконец-то поэт отделался от стеснительных условий учебных заведений — он свободен. Широкая дорога вольной, веселой жизни открылась перед ним. Все возможности провести свою программу „восхитительной жизни" были налицо.

Удалось ли Лермонтову уйти от вопросов, мучивших его? Нашел ли он хотя бы временный душевный покой?

В жизни Лермонтова наступил интересный в психологическом отношении момент. С чего он начал проводить свою программу и к чему пришел?

Лермонтов имел связь со „светом" через родство по бабушке, фамилия же Лермонтова была неизвестна „свету". Ни знатности, ни богатства, ни красоты, которые обеспечивали в свете положение и успех, у него не было. А ему, в силу свойств его натуры, необходимо было обратить на себя внимание, первенствовать. И вот он, вступая в свет, решил во что бы то ни стало добиться известности, какие бы трудности ни стояли на пути к этому. Что же для этого успеха в свете придумал 20-летний, некрасивый, ничем не известный юноша? Он решил покорить сердце избалованной светской красавицы и создать этим одну из тех „историй", которые в глазах света делают „героев" таких „историй" известностями. Жертвой своего коварного плана Лермонтов избрал Е. А. Сушкову, которая четыре года назад так нравилась ему и причинила ему много огорчений.

С сатанинским искусством начал он свою атаку на сердце красавицы и через три недели довел ее до того, что она отказала своему жениху и пламенно полюбила Лермонтова. В своих записках она пишет об этом: „Я вся переродилась. Вот мой алмаз-регент*, перед которым не стыдно преклониться перед всем миром, куда вам равняться с ним! думала я, глядя на своих поклонников"...

А Лермонтов, доведя ее до признания в своей искренней, горячей любви к нему, решил покончить эту историю и одним ударом покончил: объявил ей, что не любит и не любил ее. Он, со свойственной ему способностью полно и откровенно признаваться в своих дурных поступках перед собой и перед немногими избранными друзьями, писал довольно обстоятельно об этой истории своему другу А. М. Верещагиной и между прочим указал мотивы своего поведения: „...если я начал за ней ухаживать, то это не было отблеском прошлого... Вступая в свет, я увидел, что у каждого был какой-нибудь пьедестал: хорошее состоя

---

* Самый крупный алмаз в мире, находится в Лондонском музее.

ние, имя, титул, связи... Я увидел, что если мне удастся занять собой одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества". Рассказав всю историю, он так закончил письмо:

„Итак, вы видите, я хорошо отомстил за слезы, которые меня заставило проливать 5 лет тому назад кокетство m-lle S... О, мы еще не расквитались. Она мучила сердце ребенка, а я только подверг пытке самолюбие старой кокетки"...

Лермонтов ошибся в том, что горе Сушковой было только оскорбленным самолюбием — она глубоко и страстно любила его.

Сила воздействия Лермонтова на людей, его способность проникать в чужую душу, управлять и владеть ею, сказались в этой истории поразительно.

Как раз в это время, 23 декабря, Лермонтов написал М. А. Лопухиной письмо, чрезвычайно показательное для его душевного состояния. Одно это письмо вскрывает перед нами душу Лермонтова больше, чем какие-либо трактаты о нем.

„Милый друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе; это значило бы порвать последние нити, связывающие меня с прошлым, а этого я не хотел бы ни за что на свете, так как моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен вам признаться, с каждым днем я все больше убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути; мне или не представляется случая или не достает решимости. Мне говорят, что случай когда-нибудь выйдет, а решимость приобретется временем и опытностью! . А кто порукою, что, когда это все будет, я сберегу в себе хоть частицу пламенной, молодой души, которою бог одарил меня весьма некстати, что моя воля не истощится от выжидания, что, наконец, я не разочаруюсь во всем том, что в жизни служит двигающим стимулом? Таким образом, я начинаю письмо исповедью, право, без умысла!.. Я теперь бываю в свете, для того, чтобы меня узнали, для того, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хорошем обществе... Ах!.. я ухаживаю и, вслед за объяснением в любви, говорю дерзости. Это еще за-

бавляет меня немного и хотя это не совсем ново, однако же, бывает не часто!.. Вы думаете, что за то меня гонят прочь? О, нет! совсем напротив: женщины уж так сотворены. У меня появляется смелость в отношениях с ними. Ничто меня не смущает—ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, но сердце мое холодно и способно забиться только в исключительных случаях. Неправда ли, я далеко пошел!.. И не думайте, что это хвастовство: я теперь человек самый скромный и притом знаю, что этим ничего не выиграю в ваших глазах. Я говорю так, потому что только с вами решаюсь быть искренним; потому что только вы одна сумеете меня пожалеть, не унижая, так как и без того я сам себя унижаю. Если бы я не знал вашего великодушия и вашего здравого смысла, то не сказал бы того, что сказал. Когда то вы облегчали мне очень сильную горесть; может быть, и теперь вы пожелаете ласковыми словами разогнать холодную иронию, которая неудержимо прокрадывается мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно! О, как желал бы я опять вас увидеть, говорить с вами: мне благотворны были бы самые звуки ваших слов... Я был в Царском Селе, когда приехал Алексис. Узнав о том, я едва не сошел с ума от радости: разговаривал сам с собой, смеялся, потирал руки. Вмиг возвратился я к моим прошедшим радостям: двух страшных годов как не бывало, наконец... Скажите, мне показалось, будто он чувствует нежность к m-lle Katherine Souchkoff... известно ли это вам? Дядьям сей девицы, кажется, очень хотелось бы их повенчать. Сохрани боже!.. Эта женщина—летучая мышь, крылья которой зацепляются за все встречное. Было время, когда она мне нравилась. Теперь она почти принуждает меня ухаживать за ней... Мне бы очень хотелось с вами повидаться; в сущности это желание эгоистическое, потому что возле вас я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви и преданности, одаренным, наконец, всеми благами, которых люди не могут у нас отнять и которые сам бог у меня отнял!“

Это письмо, такое глубоко искреннее и откровенное до конца, действительно является „исповедью“. Оно показывает, что скрывалось за блеском его внешней жизни. Лермонтов только что вырвался на свободу, о которой

мечтал, никаких неудач в жизни не встретил, все пошло как будто согласно с его желаниями, а между тем жизнь внутренняя оказалась еще более мучительной, чем прежде. Прежде он „боялся“, что из него ничего не выйдет, а теперь он все больше и больше „убеждается“ в этом. И в душу, как вода в разбитое судно, по его словам, вливается ирония и над собой и над жизнью. Все эти мечты его последних 2-х лет о „восхитительной“ жизни в свете были собственно не мечты, рожденные внутренними запросами, а надуманной программой жизни, чтобы уйти от мучительных вопросов! Но он не ушел от них. Слишком велики были эти запросы, слишком глубоко проникали они в его душу.

И еще одно важное показание дает это письмо: как легко соскочил с него тот налет, который наложили на него „два страшных года“ гвардейской школы. Буйная веселость этих годов пронеслась над поэтом, как туча пыли, осев поверхностным слоем.

Лермонтов не видел выхода своим бурлящим душевным силам, не находил точки приложения своей исключительной сильной воли и все больше и больше разочаровывался в своей жизни. А наряду с этим молодость, необычайно горячий, живой темперамент, огромное самолюбие, жажда впечатлений не оставляли поэта в покое, и он, затаив в себе свои духовные интересы, свою глубокую неудовлетворенность жизнью, внешне продолжал сливаться с окружающей офицерской средой и даже старался первенствовать в ней.

„Насмешливый, едкий, ловкий,—пишет гр. Ростопчина, хорошо знавшая Лермонтова,—проказы, шалости, шутки всякого рода, сделались его любимым занятием; вместе с тем полный ума, самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга; он был заправилой в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, всего того, что составляет жизнь в эти годы“.

Тяготясь военной дисциплиной и сковывающими условиями военной службы, Лермонтов часто позволял себе разные школьнические шалости, нарушавшие незыблемый строй внешней муштры. Так, напр., он однажды явился на развод, на котором присутствовал великий князь Михаил Павлович, с крохотной детской саблей.

Михаил Павлович заметил это и немедленно отправил его под арест. После этого Лермонтов завел такую длинную саблю, что она волочилась за ним по земле и производила невероятный грохот и звон. Эта выходка стоила Лермонтову нового ареста. Третий арест явился следствием того, что поэт намеренно появился на одном из офицерских балов в мундире с неформенным шитьем.

Все эти „чудачества и шалости всякого рода", конечно, ни в какой мере не удовлетворяли Лермонтова и являлись как бы одной из форм его протеста против лишенной разумного содержания окружающей жизни.

„Чудачества" не мешали Лермонтову отдаваться непрерывной серьезной работе: он много читает, много думает и много пишет.

В 1835 г. Лермонтов написал поэму „Боярин Орша" и драму „Маскарад". В августовской книжке журнала „Библиотека для чтения" появилась первая печатная вещь Лермонтова „Хаджи Абрек", написанная еще в гвардейской школе. Появилась она в печати без ведома Лермонтова.

Герой поэмы Хаджи — человек сильного чувства. Он мстит за гибель единственного брата Бей-Булату, от руки которого пал брат.

В поэме „Боярин Орша" отразились те настроения, которые так глубоко волновали душу Лермонтова. Главное лицо Арсений — „презренный раб и сирота," сохранил гордый дух непреклонности; его речь перед судьями — гимн свободе, человеческой личности и резкое обличение лицемерия судей-монахов.

В драме „Маскарад" Лермонтов, с одной стороны, изобразил пустоту современного светского общества, мелочность его интересов; с другой стороны, вывел одаренного, сильного человека „с кипучею душой", который по природным данным мог бы стоять неизмеримо выше окружающей среды, но не нашел средств выйти из нее. Смолоду он растрачивает большие силы свои на мелкие увлечения. Жизнь свою провел в конце концов с ничтожными людьми и пришел к холодному отношению к людям и к жизни вообще.

На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...

Лермонтов очень хотел, чтобы его драма была поставлена на сцене, но цензура не пропускала ее. Он несколько раз переделывал драму, но постановки так и не добился.

В конце 1835 г. Лермонтов получил отпуск и уехал к бабушке в Тарханы. Бабушка до сих пор, кроме лета 1827 года, никогда не разлучалась с внуком. Но весной этого года она решила, что „Мише нужны деньги", и уехала в Тарханы налаживать доходы. По сохранившемуся письму бабушки к внуку за это время их разлуки видно, как безгранично она любила Михаила Юрьевича и какой нежностью отвечал он ей. По отъезде Елизаветы Алексеевны из Петербурга Лермонтов писал своей кузине Верещагиной: „Не могу выразить как меня опечалил отъезд бабушки. Перспектива остаться одиноким в первый раз в жизни, меня пугает. Во всем этом большом городе не останется ни единого существа, которое бы мною интересовалось". И письмо Елизаветы Алексеевны подтверждает его привязанность к ней: „Милый любезный друг Мишынька. Конечно мне грустно, что долго тебя не увижу, но, видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к богу, после двадцати пяти лет страданий любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца. Что делать, богу так угодно, но бог умилосердится надо мной и тебя отпустят, меня беспокоит, что ты без денег, я с десятого сентября всякий час тебя ждала... и до смерти мне грустно, что ты нуждаешься в деньгах, я к тебе буду посылать всякие три месяца по две тысячи по пятьсот рублей, а всякий месяц хуже слишком по малу, а может иной месяц мундир надо сшить, я долго к тебе не писала, мой друг, всякий час ждала тебя, но не беспокойся обо мне, я здорова, береги свое здоровье, мой милый, ты здоров, весел, хорошо себя ведешь и я счастлива и истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю бога, что он на старости послал в тебе мне утешения, лошадей тройку тебе купила и говорят, как птицы летят... домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара

серых... Стихи твои," мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нонышней модной неистовой любви и невестка сказывала, что Афанасью очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пьесу сочинил, комедия или трагедия, все что до тебя касается, я неравнодушна"...

Лермонтов писал своему другу Раевскому из Тархан, где он пробыл с 1 января по 14 марта 1836 г:. „Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде, у бабушки, слушаю, как под окном воет мятель... Объявляю тебе еще новость: летом бабушка переезжает жить в Петербург, т. е. в июне месяце. Я ее уговорил потому, что она совсем истерзалась, а денег же теперь много"...

В Тарханах Лермонтов написал две вещи: „Умирающий гладиатор" и драму „Два брата". Лермонтов писал из Тархан Раевскому о ней: „пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мной в Москве"...

По возвращении в Петербург Лермонтов не работал больше над этой драмой, а вместе с Раевским, который поселился с ним в квартире бабушки, они начали писать роман „Княгиня Лиговская". Автобиографический элемент в нем значителен. Впервые Лермонтов намечает в нем тип Печорина, в котором изобразил многие черты своего характера; в светском обществе—многое из своих впечатлений от окружающей среды. Роман остался неоконченным, но он интересен тем, что являлся подготовительной ступенью для создания знаменитого романа „Герой нашего времени". Несомненно, в этом же году написана и поэма „Тамбовская казначейша", переработан „Маскарад".

Никакими внешними событиями жизнь Лермонтова за первую половину 1836 г. не отмечена. Лето он проводил в Царском: парады, маневры, ученье, как обычно,—все то, что так было ему чуждо. В письме к бабушке поэт пишет:... „а мы теперь все живем в Царском; государь и великий князь здесь; каждый день ученье, иногда два".

В конце лета бабушка возвратилась в Петербург, и с осени Лермонтов стал жить больше у нее.

---

* Поэма „Хаджи Абрек".

С осени 1836 г. круг знакомых, в котором вращался Лермонтов, стал расширяться. С. А. Раевский, близкий ему с детства человек, очень образованный, любящий литературу, имея знакомства в литературных кругах, с некоторыми из литераторов познакомил и Лермонтова. Ближе других Лермонтов познакомился с А. А. Краевским и А. Н. Муравьевым. Эти знакомства большого значения для внутреннего развития Лермонтова не могли иметь, но все-таки выводили его из того узкого круга, в котором он вращался. Лермонтов был слишком независимый человек и опоры в решении вопросов, которыми был занят, ни в ком не искал. В существовавших в Петербурге интересных кружках кн. Одоевского, Плетнева, Карамзиных его не знали потому, вероятно, что он тогда ничего не печатал.

С внешней стороны жизнь поэта шла обычным путем.

Но в душе поэта происходила глубокая работа, и умственные интересы его были напряженнее, чем в предыдущие два года. Независимо от внешних воздействий Лермонтов много работал. Он следил по периодической печати за движением мысли и в России, и за границей, он интересовался русской историей, внимательно знакомился с русской стариной, читал „Древние российские стихотворения", собранные Киршею Даниловым. В его творческой фантазии зародились образы из далекой старины, и он задумал написать знаменитую поэму „Песня про купца Калашникова". Шан Гирей говорит, что „Песня" написана Лермонтовым в 1836 году, хотя в печати она появилась в 1838 году и была прислана с Кавказа. Вероятно, Шан-Гирей не ошибается, т. к. содержание „Песни" стоит в связи с занятиями Лермонтова в это время, и следующая частность подтверждает это: по поводу „Песни" Лермонтов писал Краевскому: „Я написал „Песню" от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволявшей выходить из комнат". А Раевский в январе 1837 года подтвердил, что Лермонтов в конце 1836 г. был долго болен и не выходил из дому до катастрофы с Пушкиным.

Вопрос о том, когда написана „Песня", приобретает значение в связи с тем, что душевное состояние Лермонтова в конце 1836 года было безысходно тяжелое, от которого ему необходимо было уйти. А в „Песне", по

словам Белинского, „Поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал других".

„Самый отбор этого предмета, —говорит Белинский,— свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современной действительностью... Но это прошедшее не могло занимать такого поэта: он скоро должен был почувствовать всю бедность и однообразие его содержания и возвратиться к настоящему, которое жило в каждой капле его крови... Не отделаться ему от него!"...

В 1836 году лирических вещей написано Лермонтовым очень мало. Написанное пронизано глубокой горечью. Лермонтов совершенно покончил с тем настроением, когда он думал наполнить свою жизнь „чудачествами, шалостями всякого рода и поэзией, залитой шампанским". Он попробовал вести такую жизнь, полную шалостей, но это ничего не дало ему, не могло подавить основную стихию его натуры—стремление к высокой деятельной жизни, не могло избавить от всех мучений, связанных с неудовлетворенностью жизнью.

В этом году была написана частично поэма „Сашка", и по ее некоторым лирическим отступлениям автобиографического характера мы видим, что пламенная душа поэта, рожденная „с желаньями безбрежными как вечность" охвачена гнетущим чувством, которое, по словам поэта, ничем нельзя было излечить. Лермонтов еще в 1834 году говорил про иронию, которая неудержимо вторгалась в его душу, как вода, наполняющая разбитое судно. Но теперь в его душе начинает звучать более сильная нота— горький смех над обманутыми надеждами.

...Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степями;
Но пылкий дух мой не был освежен,
В нем родилися бури, как в пустыне,

Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез, бурь тех,
Один лишь отзыв—звучный, горький смех.

В вольном переводе стихотворения Байрона, созвучного с его настроением, поэт пишет:

Душа моя мрачна..
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал—теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

Бесцельность жизни, невозможность жить в меру своих огромных сил давят поэта. Он пишет замечательное стихотворение, которое отразило переживаемое им душевное состояние: перед ним беспросветное будущее, мучительное прошлое, тьма и холод в настоящем.

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать—что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Это один из тяжелых кризисов в жизни Лермонтова—дальше итти было некуда: или выздоровление или гибель.

Но в нем были слишком велики жажда и энергия

жизни, чтобы оставаться в таком настроении. Новые силы поэта и гражданина Лермонтов бурно проявил под влиянием скорби и гнева по поводу трагической гибели А. С. Пушкина.

СТИХОТВОРЕНИЕ «СМЕРТЬ ПОЭТА»

Смерть Пушкина была большим горем для русского народа. Вот первое объявление в газете о смерти великого поэта:

„Солнце нашей поэзии закатилось во цвете лет, в середине своего великого поприща... Более говорить о нем не имеем сил, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин, наш поэт, наша радость, наша народная слава. Неужели в самом деле нет у нас Пушкина... К этой мысли нельзя привыкнуть!..“

Насколько было взволновано все общество, об этом говорит в своих воспоминаниях Панаев: „Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербург от апатии. Весь Петербург всполошился. В городе сделалось необыкновенное движение. На Мойке, у Певческого моста не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом; извощиков нанимали, просто говоря „к Пушкину“, и извощики везли прямо туда. Все классы Петербургского населения, даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта.“

Выразителем этого великого горя русского общества явился Лермонтов. Он излил в своих пламенных стихах „Смерть поэта“ не только скорбь великой утраты, но негодование против виновников этой утраты. Сила впечатления и значение стихов Лермонтова были огромны,—каждый находил в них отражение своего чувства. Стихотворение быстро стало распространяться в списках. Оно разошлось в тысячах экземпляров и стало известно не только в Петербурге и Москве, но и в других городах. Вместе со стихами стало широко известно и имя автора их. На Лермонтова, имя которого раньше было известно немногим—стали смотреть как на

достойного преемника Пушкина. Сологуб потом писал: „Смерть Пушкина возвестила России о появлении нового поэта—Лермонтова".

Таково было в тот момент настроение огромного большинства русского общества, всех тех, кому был дорог народный поэт. Но высший „свет", и в этом случае оказался в стороне от мыслящего общества и не разделял его настроения. Да и мог ли „свет" отнестись иначе, тот „свет", который затравил Пушкина и довел его до гибели? Светская молва все больше и больше стала оправдывать убийцу Пушкина, Дантеса, и осуждать погибшего поэта. Эти толки доходили до Лермонтова и подействовали на него так, что он еще сильнее заболел. Об этом моменте в жизни Лермонтова рассказывает, со слов родственника Юрьева, который жил в это время в доме бабушки поэта, Бурнашев: „бабушка поэта страшно встревожилась его болезнью, пригласила докторов. Заехал к Лермонтову доктор Н. Ф. Арендт, лечивший Пушкина, и рассказал поэту всю печальную эпопею тех двух с половиной дней, с 27-го по 29 января, которые пострадал раненый Пушкин. Он все, все, что только происходило в эти дни, час в час, минута в минуту рассказал нам, передав самые заветные слова Пушкина. Наш друг еще более возлюбил своего кумира после этого откровенного сообщения. Лермонтов находился под этим впечатлением, когда явился к нам наш родня Н. А. Столыпин, дипломат, один из представителей и членов самого что ни на есть нашего высшего круга. Он расхваливал стихи Лермонтова „На смерть поэта", но только говорил, что напрасно Мишель, апофеозируя поэта, придал слишком сильное значение его невольному убийце и т. п. Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно, чистый русский, а не офранцуженный и не испорченный, какую бы обиду Пушкин ему не сделал, снес бы ее во имя любви своей к славе России и никогда бы не поднял на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки. Лермонтов схватил лист бумаги и карандаш и начал торопливо писать". Через $^1/_4$ часа по уходе гостя Лермонтов прочел Юрьеву это только что написанное дополнение к ранее написанным стихам:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда—все молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Это дополнение, дышащее бурным, благородным гневом против палачей гения, также жадно выхватывалось одними у других и с еще большей, чем первая часть, быстротою облетело весь Петербург.

Дополнительные стихи дошли и до царя под заглавием „Воззвание к революции".

Стихи были признаны преступными. Против Лермонтова возбудили дело и направили в суд. Лермонтов еще не был арестован, а молва об его аресте уже шла по городу. 21 февраля был арестован и допрошен друг Лермонтова Стан. Афан. Раевский, как распространитель стихов, а 22-го был арестован и Лермонтов.

Стан. Афан. Раевский на допросе признался, что из дружбы к Лермонтову, радуясь его славе, он охотно распространял стихи, и вместе с этим доказывал, что никаких политических мыслей, а тем более противных порядку, установленному вековыми законами, у Лермонтова не было. Лермонтову в своих показаниях пришлось не только объяснить, чем были вызваны его обличительные стихи, но и указать, кто первый стал распространять его стихотворение, так как сам он был болен и не выезжал. Лермонтов осторожно, ослабляя вину Раевского, показал: „Один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения и, по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам,

просил меня их списать, вероятно, он показал их, как новость, другому, и таким образом они разошлись".

Мысль, что он виновник ареста Раевского, очень мучила Лермонтова. На самом же деле Раевского допрашивали 21 февраля, а Лермонтова 22 февраля. Что Раевский распространил стихотворение жандармы знали еще до его ареста.

Шан-Гирей пишет в своих воспоминаниях об этом времени:

„Под арестом в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба к Мишелю допускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу, и на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива", „Я матерь божия, ныне с молитвою," „Кто б ни был ты, печальный мой сосед", переделал старую пьесу „Отворите мне темницу". Слуга Лермонтова, который приносил ему обед, передавал Шан-Гирею, что у Михаила Юрьевича все стены были исписаны".

Бабушка была в отчаянии от ареста внука и принялась энергично хлопотать за него, помогал ей в этом и ее брат, Афанасий Алексеевич Столыпин, имевший большие связи в „сферах", но их хлопоты делу не помогли.

25 февраля военный министр Чернышев сообщил Бенкендорфу высочайшее повеление:

„Корнета Лермонтова за сочинение известных вашему сиятельству стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов, и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу,— по усмотрению тамошнего гражданского губернатора".

По приказу Лермонтов должен был выехать из Петербурга в 48 час. Но бабушка выхлопотала разрешение внуку проститься с ней и прожить некоторое время у нее.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА НА КАВКАЗ. 1837 год.

Нижегородский полк, в который Лермонтов должен был ехать, стоял за Кавказским хребтом, в Кахетии, а

главные военные действия происходили на Северном Кавказе. Лермонтов выхлопотал себе разрешение присоединиться к экспедиционному отряду за Кубанью, но в отряд не попал, так как дорогой он простудился и получил отпуск для лечения на Минеральных водах. В конце апреля Лермонтов приехал в Пятигорск, о чем писал своему другу: „Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах, меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить, в месяц меня воды совсем поправили“.

Первое время Лермонтов лежал в военном госпитале, а затем к концу мая он перебрался на частную квартиру. Здоровье его совсем восстановилось. Он пишет своему другу М. А. Лопухиной 31 мая:

„...У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к Вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны. Надеюсь порядком скучать все время, покуда останусь на водах, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избегать их. Ежедневно брожу по горам и уж от этого одного укрепил себе ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливают... Вот вам мой образ жизни, милый друг;—особенно хорошего тут нет, но... когда я выздоровлю и когда здесь будет государь, отправлюсь в осеннюю экспедицию против черкесов“...

Оправившись от ревматизма, Лермонтов не мог долго держаться в стороне от людей. Живая натура потянула его в общество. Он вскоре познакомился с „водяным“ обществом, наблюдал его, и многое из этих впечатлений явилось материалом для его романа „Герой нашего времени“.

В Пятигорске в это же лето Лермонтов познакомился с очень оригинальной личностью—доктором Майером, умным, наблюдательным, смелым в своих взглядах и желчным в отношении к жизни и людям. Он больше других отвечал настроению Лермонтова, и они часто встречались. Доктор Майер послужил прототипом доктора Вернера в „Княжне Мери“.

Из Пятигорска в конце августа Лермонтов отправился на берег Черного моря. Он еще 18 июля писал бабушке: „эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря... тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию".

По дороге к отряду Лермонтов заезжал в Тамань. Свое пребывание в Тамани он описал в изумительной по художественности повести „Тамань", вошедшей как составная часть в знаменитый его роман „Герой нашего времени".

В отряд Лермонтов приехал уже после того, как летние военные экспедиции закончились, и ему не пришлось принимать участия в военных действиях; но в формулярном списке 1840 г., по поводу представления его к награде за участие в военных действиях при Валерике, даются подробные сведения об участии Лермонтова в походах по укреплению береговой линии на восточном берегу Черного моря. Сам же поэт в письме к другу Раевскому писал: „Я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, я слышал только два, три выстрела"... Сколько времени Лермонтов пробыл на побережьи Черного моря, точно неизвестно. Здесь в то время находились некоторые декабристы, с которыми Лермонтов охотно встречался. Из них ближе всех он сошелся с поэтом А. И. Одоевским. Лермонтов писал о нем:

Я знал его—мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнанья
Делили дружно...

Лермонтов, так редко сходившийся с людьми, сблизился с Одоевским. „Одоевский был,—вспоминает поэт Огарев,—без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе. Лермонтов писал его с натуры. Да, этот

блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную

не забудет никто из знавших его. В этих глазах выражалось спокойствие духа, скорбь не о своих страданиях, а о страданиях человека, в них выражалось милосердие".

Отправившись в свой Нижегородский полк, поэт побывал с одним из отрядов этого полка в целом ряде городов Закавказья. В письме к С. А. Раевскому свое пребывание на Кавказе Лермонтов описывает так: „С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

...Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух—бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит—ничего не надо в эту минуту: так и сидел бы да смотрел целую жизнь"...

Это письмо дает нам не только картину из его жизни на Кавказе, но и указывает на один очень важный момент в его душевном состоянии.

Мы уже видели, какие муки Лермонтов переживал в процессе своего самоопределения, до какой тоски дошел. Лермонтов, который никогда не знал душевного покоя, которого ни успех, ни буйное веселье не могли отвлечь от мучительных дум,—на Кавказе, среди дикой, величественной природы почувствовал гармонию между этой природой и своей бурной душой. И вышло так, что здесь „сердце бьется, грудь высоко дышит"... и „ничего не надо ...

Картины Военно-Грузинской дороги, описанные в романе „Герой нашего времени", отражают, несомненно, впечатления самого Лермонтова.

Прочтите описания всех мест в „Герое нашего времени", в которых Лермонтов касается природы. Перед вами встает Кавказ с такой ясностью, как будто вы сами видите его. Чтобы так совершенно передать впечатление в немногих и притом как бы мимоходом брошенных замеча-

виях о Койшаурской долине, подъеме к Гудауру, реве бури в Чертовой долине, поэту надо было забыть душевные тревоги, ощутить душевный покой. И это успокоение дала ему природа Кавказа. Лермонтов потом, вспоминая Кавказ, писал: „Он пролил в грудь мою забвенье бед и дружески на дружный зов ответил."

Казбек вдохновил Лермонтова на стихотворение, „Спеша на север из далека", которое говорит об одной скрытой черте его натуры. Эту черту—глубокую, сильную привязанность к тем, кто был ему близок,—немногие из окружающих поэта людей умели понять в нем.

В октябре месяце 1837 г. Лермонтов, благодаря непрекращавшимся за все время его ссылки хлопотам бабушки, был, наконец, прощен. Но „прощение" было неполное: 11 октября Николай I подписал указ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский полк, который стоял в Новгороде.

Лермонтова не особенно радовало это „прощение". Ему предстояло не возвращение в Петербург, а поездка в провинциальный город на обычную, скучную службу, которая так тяготила его до ссылки. Об этом Лермонтов пишет Раевскому: „Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии"... и дальше: „Скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку."

И хотя Лермонтов писал „спеша на север", однако, как видно это из его письма к Раевскому, он не особенно торопился на этот север и довольно долго прожил в Ставрополе.

В Ставрополе жил родственник Лермонтова по бабушке П. И. Петров, генерал-майор, начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья. Лермонтов у него остановился.

Здесь он встретил знакомого доктора Майера, через которого познакомился со многими декабристами, зимовавшими в Ставрополе—с М. А. Назимовым, А. Е. Розеном В. Н. Лихаревым, Голицыным и др. Назимов лично рассказывал в 1879 г. биографу Лермонтова Висковатому о встречах с Лермонтовым: „Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о раз-

ных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь, через 40 лет, разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прикованным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой вопрос или отделывался шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли,—да впрочем и молод же он был еще!". (Висковатов, 303—304 стр.)

Да, Лермонтов был много моложе всех членов этого общества: Одоевскому тогда было 34 года, а другим еще больше. Назимов, а за ним многие из писавших об этом расхождении Лермонтова с декабристами, вспоминают о его молодости, как бы в оправдание отсталости Лермонтова от них. Между тем, Лермонтов имел больше оснований бросить членам кружка упрек в отсталости. В нем, при его молодости, поражает проницательность и верность чутья при обсуждении разных животрепещущих вопросов. Настроение декабристов через 12 лет со времени восстания 1825 года, после всего ими пережитого, было несколько понижено. У них явилась некоторая примиренность с жизнью, и их могли радовать и утешать те проблески свободной мысли, которые прорывались в прогрессивных журналах, вопреки свирепой николаевской цензуре. Лермонтов же, благодаря огромному уму и интуиции, ясно видел всю малую значимость этих отчаянных попыток честной мысли пробить свинцовую толщу николаевского гнета, который все тяжелее и тяжелее давил Россию. Конечно, стройного миросозерцания в свои 23 года Лермонтов не мог еще выработать, но это не мешало ему правильнее, чем декабристам, оценивать русскую действительность. Его протестующая, революционная по своему духу

натура не мирилась ни в какой мере с существующей действительностью.

Как ни бурно прошел 1837 год в жизни Лермонтова, поэт все-таки дал за этот год несколько изумительных произведений, кроме „Смерть поэта" и тех, которые написал в заключении. В июньской книжке „Современника" появилось его стихотворение „Бородино". Это первое произведение, которое Лермонтов сам отдал в печать. Написано оно, несомненно, еще до отъезда на Кавказ. В 1837 году исполнялось 25 лет со времени войны 1812 года. В газетах и журналах тогда много писалось по поводу отечественной войны. Отозвался и Лермонтов своим замечательным стихотворением.

В „Бородино" Лермонтов с необыкновенной простотой и глубокой проникновенностью знакомит нас с психологией русского солдата. Главная мысль этого стихотворения, по мнению Белинского, в противосопоставлении современного ему поколения, слабого волей, дремлющего в бездействии, далекому прошлому, полному великих дел.

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри—не вы!

Белинский писал о „Бородино": „Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии".

„Бородино"—небольшое стихотворение, но каждая строчка его, каждое слово скрывает большое содержание. И какая любовь поэта к русскому солдату и вообще к русскому народу, какая вера в его силы чувствуется в нем! Поэт подметил в образе старого солдата такие высокие качества, как любовь к родине, готовность отдать жизнь свою для блага ее, бодрость духа, спокойствие и простоту. Недаром Лев Толстой говорил,* что „Бородино" Лермонтова зерно, из которого вырос его роман „Война и Мир"-

Хотя условия кочующей жизни мало благоприятствовали творческой работе поэта, на Кавказе он написал поэму „Беглец" и несколько лирических стихотворений,

* В частной беседе с проф. С. Н. Дурылиным.

доработал „Песню о купце Калашникове“ и выслал ее для напечатания.

Война с горцами не помешала Лермонтову проникнуть в психологию чуждого ему народа и понять всю силу его любви к свободе родины, всю силу ненависти горцев к „супостатам-завоевателям“ и проистекавшую отсюда ненависть к изменникам, трусам, сделать чувства и понятия их близкими каждому Смелость, мужество, горцев, презрение их к трусам пленяют поэта. Лермонтов рассказывает в поэме „Беглец“ о горце Гаруне, который в страхе бежал с поля брани:

Гарун нигде на родине не нашел приюта. Старый друг отверг его:

Ступай—достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..

„Стыда и тайной муки полный“ идет Гарун дальше. Остановился перед саклей той, которую когда-то любил, и слышит песню старины:

Своим изменивший
Изменой кровавой
Врага не сразивши
Погибнет без славы!..

В последней надежде идет Гарун к старой матери и от нее слышит:

Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус—и мне не сын!...

Из лирических стихотворений, навеянных Кавказом и написанных в 1837 году, нужно отметить „Кинжал“, в заключительных стихах которого Лермонтов обращается к себе:

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И странпику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

В конце декабря Лермонтов выехал из Ставрополя в Петербург, куда ему разрешено было заехать для свидания с бабушкой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ. ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

1838 и 1839 годы.

В конце января 1838 года Лермонтов приехал в Петербург и пробыл у бабушки до 16 февраля.

Возвращение в Петербург не приносит Лермонтову радости. По первому же письму к его другу М. А. Лопухиной видно, что он не входит в прежнюю колею; встреча с родственниками и знакомыми тяготит его. Даже театр, в котором он бывал каждый вечер, за несколько дней надоел ему. И он пишет, что ему „смертельно скучно". После того чувства свободы, которое он ощущал, разъезжая (хотя бы „по казенной надобности") из конца в конец по дивному Кавказу, с его грандиозной природой, с самобытным свободолюбивым населением, после долгого пути через всю Россию,—когда целый мир новых впечатлений, мыслей, чувств вошел в его душу,—ему предстояла та же скучная, однообразная, ничего не дающая военная служба. Естественно, желание выйти в отставку заговорило в нем еще сильнее.

„Меня преследуют все эти милые родственники,—пишет он дальше.—Не хотят, чтоб я бросил службу, хотя это мне и было бы можно: ведь те господа, которые вместе со мною поступили в гвардию, теперь уже там не служат...

Бабушка думает, что меня скоро переведут в царскосельские гусары, бог знает на каком основании ей подали эту надежду; оттого она не соглашается, чтобы я вышел в отставку; что касается меня, то я ровно ни на что не надеюсь"...

В таком настроении Лермонтов 16 февраля выехал в Новгород в Селищевские казармы, где стоял Гродненский гусарский полк. В этом полку Лермонтов прослужил около 2-х месяцев. За этот срок он имел два восьмидневных отпуска в Петербург. Сведений о жизни Лермонтова в Селищевских казармах нет.

Ни близость места службы Михаила Юрьевича, ни превосходные тройки, которые могли домчать его из Новгорода в Петербург в один сутки, не могли удовлетворить бабушку. По ее усиленной просьбе 9 апреля был объявлен приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии гусарский полк, в котором он начал свою военную службу в 1831 году. 18 апреля Лермонтов подал рапорт о болезни, ему был дан отпуск и он некоторое время числился еще в Гродненском полку, но жил у бабушки в Петербурге. 14 мая Лермонтов прибыл в лейб-гвардии гусарский полк, стоявший тогда в Царском Селе, и поселился со своим двоюродным дядей, А. А. Столыпиным, молодым офицером. Столыпин отличался чувством чести, благородством в отношениях к людям, за что пользовался большим уважением среди товарищей. Лермонтов притягивал к себе товарищей по полку блеском своего ума, остроумием, инициативой в различных веселых развлечениях. И их квартира привлекала к себе постоянно посетителей, была центром царскосельской офицерской жизни.

Началась для Лермонтова та жизнь, к которой он так неохотно возвращался с Кавказа:—смотры, парады, маневры, ученье. Все это только томило поэта. 8 июня он пишет своему другу Раевскому: „Я здесь попрежнему скучаю. Как быть? Покойная жизнь для меня хуже. Я говорю *покойная*, потому что ученье и маневры производят только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно". С осени Лермонтов большую часть времени жил в Петербурге у бабушки, наезжая в Царское Село только на строевые ученья.

Лермонтов возбуждает теперь к себе большой интерес и внимание как в светском обществе, так и в литературных кругах.

Высший „свет", падкий на интересные новинки, поспешил принять его с распростертыми объятьями. Лермонтов пишет в конце 1838 года об этом своему другу М. А. Лопухиной: „Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот народ, которому доставалось от меня в моих стихах, старается осыпать меня лестью. Самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихов и хваста-

ются ими как триумфом. Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ—отказали, не хотят даже, чтоб меня убили. Может быть, эти жалобы покажутся вам, милый друг, неискренними; вам, может быть, покажется странным, что я гоняюсь за удовольствиями, чтобы скучать, слоняюсь по гостиным, когда там нет ничего интересного. Ну, так я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток—это тщеславие и самолюбие; было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество; это мне не удалось: двери аристократических салонов закрылись предо мной; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как искатель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мною заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; дамы, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что все это может опьянять; к счастью, моя природная лень берет верх, и мало-помалу я начинаю находить все это несносным. Эта новая опытность полезна в том отношении, что дала мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там..."

Поэт инстинктом угадывал в „свете" своего будущего врага.

Вскоре по приезде Лермонтова в Петербург, с ним пожелал познакомиться Жуковский. Лермонтов пишет о своем знакомстве с Жуковским: „Я был у Жуковского и отнес ему, по его просьбе, „Тамбовскую Казначейшу"; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере „Современника."

Лермонтов охотно посещает литературные салоны, известные тогда, напр., салон А. О. Смирновой, в котором когда то бывал Пушкин и продолжали бывать Вяземский, Жуковский и др. писатели; салон Карамзиных (вдовы и дочери известного историка, написавшего капитальный труд—„История Государства Российского"). Об этом салоне писатель того времени Сологуб говорит в своих

воспоминаниях: „У них каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного и художественного мира, словом, что носило известное в России имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный, милый, высокоэстетический дом". Бывал часто Лермонтов и у писателя кн. В. Ф. Одоевского. Познакомился с другом Пушкина, поэтом Вяземским, Сологубом и др. Ближе чем с другими он сошелся с А. А. Краевским, с которым был знаком с 1836 года.

В этом обществе Лермонтов бывал охотно, но и его он не искал. Сближение происходило само собою, в силу того огромного интереса, какой возбуждал талант поэта. Но и в этом обществе Лермонтов не находил никого, с кем могла бы установиться у него внутренняя близость. Ему была совершенно чужда кружковщина, господствовавшая тогда среди литераторов. И в этой среде Лермонтов избегал поднимать вопросы принципиального значения. Внутренняя жизнь его, как и раньше была глубоко скрыта от окружающих. За год ссылки Лермонтов сильно изменился. 1837 год был годом перелома в его жизни. Внешне Лермонтов ведет рассеянную жизнь, бывает в самом разнообразном обществе, но в нем идет глубокая работа мысли. Он вновь ставит перед собой вопросы большого нравственного значения и не только в отношении себя, но и в отношении жизни общественной. Это и отразилось в его творчестве 1838 года и следующих годов. Лермонтов сам сознавал, что Кавказ подействовал на него оздоровляюще. Об этом он говорил в письме к С. А. Раевскому с Кавказа и в письме к нему же летом 1838 года: „Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее."

Творчество Лермонтова за 1838 и 1839 годы было чрезвычайно продуктивно. Под свежим впечатлением красот Кавказа он переделал 4-й раз поэму „Демон". Тогда же им начат знаменитый роман „Герой нашего времени", главное действующее лицо которого — Печорин — было раньше поставлено в центре романа „Княгиня Лиговская". Лермонтов перенес действие нового романа на Кавказ, и

роман получил совершенно иное построение: были введены новые лица, иной бытовой элемент. Лермонтов сосредоточился на характере Печорина и придал роману форму путевых записок и дневника. Сила поэтических впечатлений от кавказской природы сказалась и на всех других произведениях этого времени, причем Лермонтов переработал некоторые из прежних своих поэм: из „Боярина Орши" возникла поэма „Мцыри"; действие „Демона" из Испании перенесено было на Кавказ. Обе поэмы насыщены непревзойденными описаниями красот Кавказа.

Поэма „Демон" так ослепляет красотой стиха, что сущность мрачных дум и чувств Демона остается при первом чтении не вполне усвоенной. Причина этого отчасти кроется в некоторой туманности переживаний Демона.

Почему Демон, проникнутый ненавистью ко всему в жизни, был близок душе Лермонтова?

Демон когда-то был светлым духом „верил и любил, не знал ни злобы, ни сомненья." Но пассивное блаженство райской, безмятежной жизни его не удовлетворило. В порыве титанической гордости и безграничного стремленья к свободе он восстал против творца мира, и отверженный небом, стал могущественным духом зла. Но сознание своего могущества не доставляло ему радости.

Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья—
И зло наскучило ему.

Не встречая борьбы с собой со стороны людей, он считает их слабыми и ничтожными:

И я людьми не долго правил,
Греху не долго их учил..
Не долго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?

Как только Демон начинает говорить о людях, о жизни их, в его словах слышится одно презрение к ним.

Обращаясь к Тамаре, он говорит:

Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь, да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить...

Демон долго не находил в жизни ничего, что примирило бы его с нею:

И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир: но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего...

Демон сомневался во всех ценностях жизни, презирал людей и был обречен на безысходное одиночество и вечные терзания этим одиночеством.

Какое горькое томленье
Всю жизнь,—века без разделенья
И наслаждаться и страдать...

Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!..

Испытав всю тяжесть сомнения, отрицания, всю горечь томления от одиночества, Демон готов был вернуться к добру, когда любовь согрела и осветила его мрачную душу.

Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты...

И входит он, любить готовый,
С душой открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Вся поэма проникнута духом протеста против бога и несовершенства жизни людей.

Современник Лермонтова, друг Белинского, Боткин так выразил сущность протеста Демона: „Внутренний существенный пафос его есть отрицание всякой патриархальности, авторитета, предания, существующих общественных условий и связей".

Значительно позднее ту же мысль выразил наш известный гуманист В. Г. Короленко: „Автор „Демона" скептик... протестант... идеализировал зло, как элемент, разъедающий житейскую пошлость его времени".

Фантастический образ Демона был для Лермонтова индивидуализмом, символом недовольства жизнью, протестом против всех ее отрицательных сторон, против слабости, мелочности и пошлости людей.

Это недовольство пустотой и мелочностью жизни, жажда свободы и борьбы, чувство одиночества и жажда любви были общими у Демона и у Лермонтова. Недаром поэт, заканчивая „Демона", в посвящении к нему назвал его простым выражением тоски, столько лет томившей его бедный ум.

Демон — спутник Лермонтова значительно более длинного периода его жизни, чем Печорин, но и от него поэт неизбежно отошел бы, и этот отход уже начался: творчество поэта стало принимать реалистический характер. И конец самой поэмы ясно говорит, что Лермонтову нечего было делать с Демоном дальше, — Демон оказался побежденным, с разбитой мечтой, и ни какой перспективы перед ним уже не было.

И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья, без любви.

Из поэмы „Демон" естественно вытекает вывод, к которому подходил Лермонтов в 1811 году, что оторванный от реальной жизни индивидуалист не может найти выхода своим душевным мукам вне участия в этой жизни.

Поэма „Демон", несмотря на фантастичность ее, мощной красотой своей и многими мыслями и чувствами произведение бессмертное. Потому-то эту поэму и в настоящее время читают и смотрят на сцене с восторгом. Но современники Лермонтова черпали в ней еще боль-

ле. Могучие, но для нас не совсем ясные, порывы Демона, его безысходные мучения так отвечали тогда настроению передового общества, не удовлетворенного окружающей жизнью, что оно зачитывалось поэмой.

Поэма „Демон" при жизни поэта не была напечатана, но она была широко известна и разошлась во множестве списков. Белинский собственноручно списал „Демона" и по поводу него писал своему другу: „Демон" сделался фактом моей жизни, я тверже его другим, тверже себе, в нем для меня миры истин, чувств, красот"...

По возвращении Лермонтова из ссылки мысль его работает в направлении вопроса огромного общественного значения для того времени—об отношении человека к обществу. В связи с этим вопросом возникла оценка современного поколения. И Лермонтов выразил это настроение в сильном и глубоком по мысли стихотворении „Дума".

Напечатана „Дума" его была в январской книжке „Отечеств. Зап." за 1839 год. Стихотворение это встретило живой отклик в обществе.

Идейное содержание „Думы" особенно близко было настроению передовых людей того времени. Но Лермонтов выразил эти мысли и чувства с такой изумительной мощью, с такой художественной проникновенностью, что, по словам Герцена, даже те, кто и раньше мучился этими вопросами, были потрясены „Думой".

Поэт, для которого действовать, бороться—первейшая потребность натуры, печально глядит на свое поколение, потому что „в бездействии состарится оно", „вянет без борьбы":

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.

Поэт скорбит и о слабости чувств современного ему поколения:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

По поводу „Думы“ Белинский писал: „Лермонтов вышел снова на арену литературы с стихотворением „Дума“, изумившей всех алмазною крепостью стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергией благородного негодования и глубокой грусти“. И дальше:

„Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого—отсутствие внутренней жизни—есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!... И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?“

В письме к одному из друзей Белинский еще сильнее выразился о „Думе“: „Поразительная верность идей, буря чувств, огненные слова!“

В февральской книжке „Отечеств. Зап.“ за тот же год появилось стихотворение Лермонтова „Поэт“. Оно касается другого вопроса, мучившего его,—вопроса о назначении поэта. В нем он высказывает возвышенный взгляд на общественное значение поэта. В этом стихотворении Лермонтов сравнивает поэта с кинжалом.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну порвал кольчугу...

Потом долго лежал он заброшенный, а теперь в дорогой оправе

Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.
В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,

Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных...

Белинский кратко, но очень сильно выразил свой восторг перед этим стихотворением: „Нет, хвалить такие стихи можно только стихами и при том такими же. А мысль?... Кто не признает, что то, чего он требует от поэта, составляет одну из обязанностей его служения и призвания?"

Лермонтов скорбит об утрате поэтом влияния на людей, а сам вылил эту скорбь в таких могучих словах, с такой силой мысли, что до наших дней это стихотворение остается самым глубоким выражением идеи о значении поэта. Оно имело огромное влияние на развитие литературы XIX века и останется живым еще на долгое время и в нашу эпоху.

В мартовской книжке „Отечеств. Зап." была помещена повесть „Бэла", одна из составных частей романа: „Герой нашего времени". Несомненно, что каждый, кто прочтет эту повесть, переживет ее так, что забудет время, отделяющее нас от момента появления ее в печати. И сколько бы раз она ни перечитывалась — свежесть первого впечатления не утрачивается. Такова сила могучего таланта.

Картина переезда автора через Койшаурскую долину, которой начинается повесть, знакомство автора с попутчиком Максимом Максимычем, рассказ последнего о Бэле — все перед вами живет, вы чувствуете себя так, точно вы не повесть читаете, а перед вами развертывается действительная жизнь, и вы в ней сами участвуете. Белинский, разбирая эту повесть, говорит: „Так и хотелось бы выписать от слова до слова весь рассказ автора, в котором каждое слово так бесконечно значительно, так глубоко занимательно, дышит такою поэтическою жизнью, блестит таким роскошным богатством красок".

О том, какое впечатление произвело на культурное общество выступление Лермонтова в печати с „Бэлой", Белинский писал: „В то время, как первые два стихот-

ворения („Дума“ и „Поэт“) возбудили к Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за ним имя поэта с большими надеждами, Лермонтов вдруг является с повестью „Бэла“, написанною прозою. Это тем приятнее удивило всех, что еще более обнаружило силу молодого таланта и показало его разнообразие и многосторонность. В повести Лермонтов явился таким же творцом, как и в своих стихотворениях“.

Кажется, наступила желанная для поэта пора—сбылись его мечты об успехе, славе... самолюбие и честолюбие, казалось бы, могли быть удовлетворены. А на самом деле поэт попрежнему тоскует, не замечает своей утвердившейся уже славы, или, вернее, не ценит ее. В марте же он пишет своему другу Лопухину по поводу рождения у того первенца-сына:

...„Я был болен и оттого долго тебе не отвечал и не поздравлял тебя, но верь мне, что я искренно радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашел, кажется, именно ту узкую дорожку, через которую я перепрыгнул и отправился целиком*. Ты дошел до цели, а я никогда не дойду: засяду где-нибудь в яме, и поминай как звали, да еще будут ли поминать?“

„*Будут ли поминать?*“ И это говорит человек, который как раз в это время дал своему народу бессмертные произведения! Невозможно спокойно читать эти строки. Что в них сказалось: недооценка себя, скромность? Лермонтов, действительно, был беспощадно строг к себе, к своим произведениям, но в данном случае не это звучит в его словах. Лермонтов вынес свое художественное творчество на общественную арену, но удовлетворения в этом не нашел. И потому не нашел, что запросы его натуры были слишком велики, жажда великого общественного дела была так сильна, что утолить ее литературная работа не могла.

В то время Лермонтов закончил „Героя нашего времени“. Печорин, главное действующее лицо в романе, представляет очень сложный психологический тип, и неудивительно, что он вызвал большие споры в критике. Вопрос о том, в какой мере образ Печорина отображает самого Лермонтова, встает и теперь, особенно у читателей, впервые знакомящихся с произведе-

* Непроложенным путем. (М. Н.)

нием. Лермонтов, как известно, вложил в образ Печорина много своего личного, поэтому их можно сближать но не во всем и не до конца.

В 1837 г. и начале 1838 года, когда подготовлялся роман, у Лермонтова были настроения, близкие настроению герою романа, но в 1840 г., особенно в 1841 г., они были уже пережиты им.

Печорин испытал много разочарований в жизни, у него охлажденное сердце, скептический ум. У него нет веры ни во что, ко всему он относится скептически, все подвергает холодному анализу ума. Он человек необъятных сил, но не нашел в жизни приложения этим силам, и в его жизни получилась пустота. Это терзало и мучило его, пока он не пришел к убеждению, что эгоизм — единственное верное средство самозащиты в жизни. И на этом Печорин остановился.

Жажда сильных впечатлений — это единственное, что осталось ему взамен его неудовлетворенных лучших стремлений, и жизнь его свелась к растрате огромного ума и больших душевных сил. Печорин не жил в настоящем значении этого слова, а старался развлекать себя, чтобы подавить сознание бессмысленности своей жизни.

Мы узнаем Печорина не столько из наблюдений над его поведением, сколько из его собственных признаний в исповеди — дневнике. О себе Печорин говорит с искренностью беспощадной. Печорин, как и сам Лермонтов, пришел к сознанию ничтожности жизни. Накануне дуэли Печорин думал: „Что-ж? умереть, так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я

упадал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаленья"...

Лермонтов свидетельствует в предисловии к дневнику Печорина: „Я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки." Поэтому-то мы и видим его „насквозь", до скрытых обычно в людях тайников его глубокой души. Мы видим все его недостатки, но также видим, чем они вызваны, как он мучился ими, и благодаря этой искренности пороки Печорина не действуют охлаждающим образом на читателя; напротив, огромное большинство читателей закрывает книгу под обаянием личности Печорина. Сознание бесцельности жизни мучит Печорина, но оно не указывает ему выхода, не толкает вперед. Такое душевное состояние родственно было всему поколению его времени. И Лермонтов, оставаясь верным русской действительности, пресек жизнь Печорина, не дал ему движения.

Закончивши „Героя нашего времени", Лермонтов начал работать над своей замечательнейшей поэмой „Мцыри". В этой поэме в образе Мцыри поэт дал яркое, сильное выражение жажды жизни, жажды свободы и борьбы за нее. Идея поэмы „Мцыри" возникла у Лермонтова давно. Он разрабатывал ее в виде монолога еще в 1830 году в поэме „Исповедь", затем в 1835 г. в поэме „Боярин Орша". Некоторые стихи в „Мцыри" взяты из этих неоконченных поэм, а действие перенесено на Кавказ.

Биограф Лермонтова Висковатов со слов А. П. Шан-Гирея рассказывает об истории создания образа Мцыри следующее: „Когда Лермонтов, странствуя по старой Военно-Грузинской дороге в 1837 году, изучал местные сказанья, видоизменившие поэму „Демон", он наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха, старого монастырского служку, „бэри" по-грузински. Сторож был последним из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, взятый в плен ребенком ген. Ермоловым во время экспедиции. Генерал вез его с собой и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; он долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край

могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху. Любопытный и живой рассказ „бэри“ произвел на Лермонтова сильное впечатление. К тому же он затрагивал уже знакомый поэту мотив, и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в „Исповеди“ и „Бородине Орша“, и перенес действие из Испании и Литовской границы—в Грузию.“

Лермонтов взял этот рассказ как сюжет для задуманной поэмы, но он так углубил образ героя, так обогатил историю его побега описанием красот кавказской природы, что получилась поэма необычайной силы и красоты.

Поэма „Мцыри“ почти вся состоит из монолога-исповеди героя—пленного мальчика-горца—перед стариком монахом. Натура Мцыри боевая, мятежная. Мирное прозябание среди однообразной, безжизненной обстановки монастыря тяготило его, и в нем родилось страстное желание вырваться из тюрьмы-монастыря на свободу.

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть—
Одну—но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Из келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской...

И жизнью Мцыри считал только три дня, „полные тревог и битв“, которые он провел в лесу, убежавши из монастыря....

...Что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.

Белинский писал об этой поэме: „Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Все, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью".

О художественных достоинствах поэмы „Мцыри" Белинский писал: „Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у грома, гул у ветра,—что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму."

На рукописи „Мцыри" поставлена рукой Лермонтова дата .1839 г. Августа 5."

Такой напряженной и продуктивной творческой жизнью жил Лермонтов в эти годы, между тем как в Царском Селе все шло обычным своим чередом: ученья, маневры, парады и смотры, т. е. то, что так тяготило поэта. И вырваться из этих тисков он никак не мог. В зиму 1838-39 года Лермонтов несколько раз подавал прошение об отпуске, надеясь потом хлопотать и о полной отставке. Но, к сожалению, на этот раз против выхода в отставку поэта была и сама бабушка. В письме к Лопухину Лермонтов пишет об этом: „Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет—надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом". Не легко было Лермонтову ощущать в себе могучие силы, жаждать жизни значительной и яркой и в то же время тянуть скучную, надоевшую ему, ненужную военную лямку.

Осенью до Лермонтова дошла весть о смерти его друга А. И. Одоевского. Лермонтов посвятил его памяти проникнутое глубокой задушевностью стихотворение „Памяти А. И. Одоевского."

По возвращении из Царского Села в Петербург Лермонтов принял участие в кружке „16-ти". По воспоминаниям одного из участников этого кружка, К. Браницкого, изданным за границей, „в 1839 году в Петербурге существовало общество молодых людей, которых называли, по числу его членов, „кружком шестнадцати". Это общество составилось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого

Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало: до того они были уверены в скромности всех членов общества."

Хотя этот кружок не имел политического значения— у него не было ни организации, ни программы, но интерес к общественным и политическим вопросам и свободное выражение мнений по поводу них имели большое значение для Лермонтова, который до сих пор избегал разговоров на эти темы. Свободный обмен мнений в кружке, несомненно, влиял на уточнение взглядов каждого из его членов.

Наряду с этим Лермонтов продолжал бывать в „свете", имел огромный успех у светских красавиц. Но сам поэт относился к этому успеху теперь более безучастно, чем раньше. Процесс мучительных исканий, неудовлетворенность жизнью развивались в нем с неменьшей силой, чем раньше. Это видно отчасти по стихотворению „Не верь себе", написанному в это время. В нем Лермонтов говорит о трагическом положении поэта среди равнодушного лицемерного общества. О том, как Лермонтов чувствовал себя в светском обществе, дает представление краткая, но выразительная характеристика, оставленная И. С. Тургеневым. Писатель встретился с Лермонтовым в самом конце 1839 года на балу у княгини Шаховской. Тургенев был тогда еще молод, но благодаря своей интуиции и чутью художника-психолога он сделал тонкое наблюдение над поэтом.

„У княгини Ш-ой,—рассказывает И. С. Тургенев в своих литературных воспоминаниях,—я весьма редкий, непривычный посетитель светских вечеров, лишь издали, из уголка, куда я забился, наблюдал за быстро вошедшим в славу поэтом.

В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выра-

жением почти детски-нежных и выдававшихся губ. ...Присущую мощь тотчас сознавал всякий"...

Под новый 1840 год Лермонтов был на маскарадном балу в Дворянском собрании. Тургенев тоже был там, видел поэта и рассказал потом об этом в своих воспоминаниях. Лермонтов не принимал участия в общем веселье. Среди движения, шума в ярко освещенном зале Дворянского собрания он одиноко стоял у одной из колонн зала и с задумчивым видом наблюдал толпу. „Лермонтову не давали покоя, — говорит Тургенев, — беспрестанно приставали к нему, брали за руки, одна маска сменялась другой, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза; мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества"...

Тургенев был прав в своем наблюдении: в январской книжке „Отечеств. Зап." появилось стихотворение Лермонтова под названием „1-е января".

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно безтрепетные руки,—
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,—памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей..

Поэт вспоминает свое детство в деревенской обстановке и свои мечты, тогда им владевшие.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Резкий ответ Лермонтова двум маскам, под которыми скрывались две весьма „высокие особы", резкие выражения этого стихотворения по адресу светской толпы, многим, как говорит Висковатов со слов Краевского и Сологуба, „показались непозволительными. Нашли, что поэт начинает в поведении своем заходить за границу дозволенного".

„Он должен был бы держать себя скромно, а не ровнею среди общества, „благосклонно" допустившего его в свою среду. Еще недавно приказом от 6 декабря 1839 г. государь император поощрил провинившегося офицера, произведя его в чин поручика того же лейб-гусарского полка. Но поэт, кажется, не понимал или не хотел понимать, чего от него требовали". От него требовали покорности. И эту покорность ждали от мятежного, непреклонного поэта! Он рвался из службы, желал выйти в отставку и итти своей дорогой.

Никто даже из близких людей, окружавших Лермонтова, не понимал его, и он внутренно был безгранично одинок и глубоко страдал. Правда, такие люди как Белинский, Герцен, Тургенев, понимали всю трагедию Лермонтова; понимали, что он задыхался от пустоты окружающей жизни, но они были далеки.

Свое состояние поэт выразил в стихотворении „И скучно и грустно", появившемся в „Литературной газете" 20-го того же января.

И скучно и грустно!— и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят— все лучшие годы!
Любить—по кого же?—на время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли загляпешь?—там прошлого нет и следа,
И радость, и муки, и все так ничтожно.
Что страсти?—ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг
Такая пустая и глупая шутка!

Чтобы справедливо отнестись к крупным людям прошлого, чтобы понять, как могли они остаться оторванными от действительной жизни, надо ясно представить себе

тогдашние условия. С точки зрения нашей активной эпохи, открывающей каждому путь в жизни, трудно понять, как лучшие люди той эпохи могли оставаться совершенно в стороне от жизни. Но для того, чтобы осмыслить это, надо попытаться воскресить хоть до некоторой степени условия той жизни.

Николай I начал царствование с подавления декабрьского восстания и поставил своей конечной задачей зажать Россию в тиски. И началась неукоснительная, постоянная опека правительства над каждым шагом граждан, „своих подданных". Николай шел к своей цели с упрямством и неумолимостью тупого человека, с полным непониманием экономических и культурных запросов своей страны.

Немецкий историк Шиман, изучавший эпоху Николая I и преклонявшийся перед царем, говорит, что 1839 и 1840 годы были наиболее устойчивыми и счастливыми годами его царствования. Николай достиг того, чего хотел: страна была придавлена; крепостное право, по выражению Тургенева, „торчало, как скала". Торжествующие помещики и их бурмистры не знали границ в своем произволе над крепостными. Злоупотребления администрации достигли чудовищных размеров. „Ревизор" Гоголя — это зеркало провинциальной России николаевского времени. Во главе столичной администрации стояли люди, за немногими исключениями, жестокие, воображавшие, что, зажав в кулак все население, можно достичь благоденствия страны. Из них отметим троих, которые были непосредственными виновниками разразившейся над Лермонтовым катастрофы: они создавали ту атмосферу в обществе, при которой самый ничтожный повод мог повести к тяжелым последствиям для поэта.

Первым из них был военный министр (главный начальник Лермонтова) Ал. Чернышов. При нем солдат постоянно подвергали наказанию шпицрутенами, после чего редко кто оставался в живых или не искалеченным. Вторым был один из столпов государственного строя любимец Николая Клейнмихель, правая рука Аракчеева по управлению военными поселениями. Через него шли самые жестокие распоряжения Аракчеева. Когда Клейнмихель вышел в отставку, это

вызвало восторг всей России; люди незнакомые поздравляли друг друга. Наконец, третий, также столп николаевского режима, граф Бенкендорф, о котором Герцен писал:

„Прибавить к этому графа Бенкендорфа, шефа корпуса жандармов, олицетворяющего вооруженную инквизицию... Он же был начальником III отделения собств. е. и. в. канцелярии (название центральной шпионской конторы)."

Таковы были руководители политической жизни России.

Как могли себя чувствовать в то время люди с горячей, боевой душой?

Белинский в письме к Боткину от 14 марта 1840 г. писал:

...„Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схиму, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить".

Аналогичное выражение скорби и отчаяния находим у Герцена в его дневнике: „Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страданья почка, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы лентяи?..Отчего в минуту восторга не забываем тоски? О, пусть они остановятся с мыслию и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть".

Яркую оценку эпохи дал И. С. Тургенев в своих „Литературных воспоминаниях": „Пусть читатель сам посудит: утром тебе, может быть, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную, может быть, тебе даже пришлось съездить к цензору и, представив напрасные и унизительные объяснения, оправдания, выслушать его безапелляционный, часто насмешливый приговор:

„Я ведь только дух вытравляю, а буквочки остаются на месте".

На улице тебе попалась фигура господина Булгарина* или друга его, Греча.** Генерал и даже не начальник,

---

* Редактор консервативной газеты.

** Сотрудник Булгарина по газете, оба доносчики на писателей, продажные люди. С Булгариным первый начал борьбу Пушкин, потом ожесточенно боролся Белинский.

а так просто генерал, оборвал, или что еще хуже, поощрил тебя. Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов...Какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым ученым, литературным ведомством, а тут еще шипят и расползаются доносы. Между молодежью ни общей связи, ни общих интересов, страх и принужденность во всех, хоть рукой махни!.."

Замечательно выразительно и сжато охарактеризовал николаевское время Салтыков-Щедрин в своем произведении „За рубежом": „В России все казалось покончен-ным, запакованным и за пятью печатями сданным на почту для выдачи адресату, которого заранее предположено не разыскивать".

Вот те условия, которые погубили таких титанов, как Пушкин и Лермонтов, и искалечили жизнь многих других талантливейших людей.

ДУЭЛЬ С БАРАНТОМ И ВТОРАЯ ССЫЛКА НА КАВКАЗ. 1840 год.

16 февраля 1840 г. на балу у графини Лаваль сын французского посланника Барант потребовал у Лермонтова объяснения по поводу дошедших до него слухов о нелестном отзыве о нем Лермонтова. Неудовлетворенный ответом Лермонтова Барант вызвал его на дуэль.

18 февраля дуэль состоялась, но кончилась благополучно. Барант слегка поранил Лермонтову грудь, а Лермонтов выстрелил в сторону. В этот же день Лермонтов завтракал у Краевского. Был очень возбужден, весел, сыпал остротами. О дуэли говорил мимоходом, совершенно просто. „Рисовка совершенно была чужда Лермонтову", замечает Краевский.

Слухи о дуэли пошли по городу. Ближайший начальник Лермонтова, полковой командир Плаутин, потребовал от Лермонтова объяснений по поводу дуэли, и Лермонтов в письме к нему изложил все обстоятельства дуэли:

„16 февраля на бале у гр. Лаваль господин Барант стал требовать у меня объяснения на счет будто мною сказанного. Я отвечал, что все ему переданное несправедливо, но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такою же колкостью, на что он сказал, что если б находился в своем отечестве, то знал бы как кончить это дело. Тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, мы условились и расстались. 18-го числа в воскресенье 12 ч. утра съехались мы за Черной речкой на Парголовской дороге. Его секундантом был француз, которого имени я не помню (Лермонтов знал имя секунданта противника, но сознательно не назвал его. М. Н.) и которого никогда до сего не видел. Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели скрестить шпаги, как мой конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону. После сего он подал мне руку, и мы разошлись. Вот, ваше превосходительство, подробный отчет всего случившегося между нами.“ Но этим объяснением дело не кончилось.

„Приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом“. В Ордонанс-гаузе знакомые навещали его довольно свободно. Здесь был у него В. Г. Белинский и в первый раз поговорил с ним так серьезно, как давно хотелось ему. Белинский встречался несколько раз с Лермонтовым у Краевского, но ни разу между ними не произошло такого обмена мнений, какого можно было ждать от встречи двух гениальных людей—поэта и критика. Белинский чрезвычайно высоко ценил талант Лермонтова, интересовался им и не раз пытался завести с ним разговор на серьезные темы, но Лермонтов отделывался шуткой и уклонялся от серьезной беседы. Белинского это и смущало и огорчало. На этот раз при свидании в заключении он увидел Лермонтова таким, ка-

ким хотел его всегда видеть. Панаев в своих воспоминаниях рассказывает, что после свидания с Лермонтовым Белинский прямо зашел к нему, и он по взволнованному, восторженному лицу Белинского сразу понял, что с ним произошло что-то необычайное.

—Знаете ли, откуда я?—спросил Белинский.

—Откуда?

—Я был в Ордонанс-гаузе у Лермонтова и попал очень удачно. У него никого не было.

Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!!.... Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер-Скотте.... „Я не люблю Вальтер Скотта, сказал мне Лермонтов—в нем мало поэзии. Он сух.“ И он начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него—и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собой....

В словах его было столько истины, глубины и простоты! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем! Недаром же меня так потянуло к нему. Мне, наконец, удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собой,—я уверен в этом“.

Об этом свидании Белинский писал своему другу Боткину 16 апр. 1840 года: „Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного. О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему—он улыбнулся и сказал: „дай бог!“ Боже мой, как он ниже меня, по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве! Каждое его слово—он сам, вся его натура, во всей глубине и целости своей. Я с ним робок, меня давят такие целостные, полные нату ры, я перед ними благоговею и смиряюсь в сознании моего ничтожества“.

Необычайно значительна и красива картина этой задушевной встречи двух величайших людей того времени.

Самобытную силу и цельность натуры Лермонтова отмечает еще один современник его, писатель П. В. Анненков в своих воспоминаниях: „Выдержка у Лермонтова была замечательная: он не сказал никогда ни одного слова, которое не отражало бы черту его личности, сложившейся, по стечению обстоятельств, очень своеобразно; он шел прямо и не обнаруживал никакого намерения изменять свои горделивые, презрительные, а подчас и жестокие отношения к явлениям жизни на какое-либо другое“...

В заключении Лермонтов написал стихотворения: „Соседка“, „Пленный рыцарь“, „Журналист, читатель и писатель“. Последнее стихотворение написано на тему, глубоко занимавшую мысль Лермонтова,—об отношении поэта и общества. В нем он говорит о трудной миссии поэта, когда его окружает не понимающая его толпа. Поэт одинок, он не открывает никому своего внутреннего мира, и только в минуту вдохновения выливаются из души сокровенные думы:

...Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

Эти творенья, вылившиеся по внезапному вдохновению, поэт вынужден скрывать, т. к. их „осмеет, забудет свет“.

Но бывает другое настроение у поэта, когда его охватывают негодующие думы:

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
. . . . . .
Тогда пишу —Диктует совесть

Пером сердитый водит ум...
. . . . . .
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

13 апреля на докладе генерал-аудиториата царь Николай наложил свою резолюцию:

„Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк, тем же чином."

Последние дни перед отъездом в далекий путь Лермонтов проводил у себя дома, у бабушки, и прощался со своими добрыми знакомыми. Товарищи по полку хотели устроить ему проводы, но полковой командир не разрешил, побоялся, что в „сферах" это будет истолковано, как протест против перевода поэта в другой полк. Семья Карамзиных была последней, с кем простился поэт в день отъезда. В этой семье поэт встречал и понимание и искреннее душевное участие, особенно со стороны Софии Николаевны. Здесь он был самим собой, без всякой маскировки. Здесь, у Карамзиных, в грустные, прощальные минуты, по внезапному вдохновению, написал он свое чудесное стихотворение „Тучи". Биограф Висковатов со слов очевидца рассказывает об этом моменте:

„Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в амбразуре окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою (Карамзины жили на Фонтанке, против Летнего сада), написал стихотворение:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

133356

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Всчно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез"...

Поэт двинулся в путь прямо от Карамзиных. Тройка, увозившая его „с милого севера в сторону южную", уже ждала у подъезда дома.

Проездом на Кавказ Лермонтов остановился на несколько дней в Москве, где у него были и друзья и много людей, истинно расположенных к нему. Сведений о его пребывании в Москве немного.

9 мая Лермонтов был на именинном обеде у Гоголя, устроенном в большом саду историка Погодина. Здесь были все известные писатели и ученые Москвы. „Обед был веселый и шумный... После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы „Мцыри и читал, говорят, прекрасно"... (Из воспоминаний Аксакова С. Т.).

За пребывание в Москве чаще всех из литературного круга Лермонтов виделся с Самариным, с которым он еще раньше был знаком. Самарин пишет в своем дневнике об этой встрече на обеде у Гоголя после долгой разлуки: „Он узнал меня, обрадовался; мы разговорились про Гагарина. Тут он читал свои стихи—бой мальчика с барсом.—Ему понравился Хомяков. Помню его суждения о петербургских женщинах. Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление. Ко мне он охотно обращался в своих разговорах и звал к себе."

Самарин был замечательно умный и чуткий человек. Он сумел заглянуть в душу Лермонтова, такую глубокозатаенную, сложную, и с большой проницательностью определил некоторые черты его характера. Под непосредственным впечатлением этих последних встреч с поэтом Самарин написал вскоре своему другу Гагарину и

дал замечательную характеристику поэта: „Я часто видел Лермонтова за все время его пребывания в Москве. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию, благодаря своей наблюдательности и значительной доле индиферентизма. Вы не успели с ним заговорить, а он вас уже насквозь раскусил; он все замечает; его взор тяжел и чувствовать на себе этот взор утомительно. Первые минуты присутствие этого человека было мне неприятно; я чувствовал, что он очень проницателен и читает в моем уме; но в то же время я понимал, что сила эта имела причиной одно лишь простое любопытство, без всякого иного интереса, и потому поддаваться этой силе казалось мне унизительным. Этот человек никогда не слушает то, что вы ему говорите—он вас самих слушает и наблюдает, и после того, что он вполне понял вас, вы продолжаете оставаться для него чем-то совершенно внешним, не имеющим никакого права что-либо изменить в его жизни“.

Самарин с грустью вспоминает в своем дневнике последние часы пребывания поэта в Москве: „...помню последний вечер у Павловых... Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце“.

Лермонтов выехал из Москвы в половине мая. Опять с „подорожной“ в руках поэт отправляется в длинный, длинный путь.

Перед ним вновь открывается широкий почтовый тракт. Он несется на почтовой тройке со звоном и переливами русского колокольчика. По сторонам мелькают полосатые верстовые столбы, почтовые станции, „печальные“ деревни и захолустные городишки... Поэт видел перед собой все то, что он любил в своей родине, такой „странной любовью“. В его душу вливалась родная природа, которую так сильно и глубоко любил поэт: „лесов дремучих колыханье“, „разливы рек, подобные морям“, „степей безбрежный океан“, и „ветер меж нагих холмов“, „и на равнине тени облаков“...

В это время по таким же столбовым и проселочным дорогам почта развозила в разные города только что вышедшие из печати „Героя нашего времени“ и майскую книжку „Отечеств. Записок“, в которой была напечатана первая половина статьи. Бе-

линского с восторженным разбором этого великого произведения. Белинский писал: „На горизонте нашей поэзии взошло яркое светило и тотчас оказалось звездою первой величины. Мы говорим о Лермонтове"... „Отечеств. Записки" пламенной статьей Белинского оповестили всю читающую Россию о появлении замечательного романа „Герой нашего времени", в котором так глубоко отражено настроение современного поколения.

В этой книжке „Отечеств. Записок" в библиографическом отделе писалось от редакции о „Герое нашего времени:

„Наконец среди бледных и эфемерных произведений русской литературы нынешнего года... явилось поэтическое создание, дышащее свежею, юною, роскошной жизнью сильного и самобытного творческого таланта. „Герой нашего времени" принадлежит к тем явлениям истинного искусства, которые обращаются в прочный литературный капитал".

„В основной идее романа Лермонтова лежит важный современный вопрос о внутреннем человеке, вопрос, на который откликнутся все, и потому роман должен возбудить всеобщее внимание, весь интерес нашей публики. Глубокое чувство действительности, верный инстинкт истины, простота, художественная обрисовка характеров, богатство содержания, неотразимая прелесть изложения, поэтический язык, глубокое знание человеческого сердца и современного общества, смелость кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазия, неисчерпаемое обилие эстетической жизни, самобытность и оригинальность—вот качества этого произведения, представляющего собою совершенно новый мир искусства".

И как раз в то время, когда вся читающая Россия знакомилась с произведением великого поэта-изгнанника и этими отзывами великого критика о нем, глава государства, Николай, писал о Лермонтове императрице за границу (дата 12 июня 1840) (по-французски): „—...Я прочел героя до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же преувеличенное изображение презренных характеров, которые находим в нынешних иностранных романах. Такие романы портят нравы и портят характер... Итак, повторяю,

что, по моему убеждению, эта жалкая книга показывает большую испорченность автора. Характер капитана прекрасно намечен. Когда я начал эту историю, я надеялся и радовался, что, вероятно, он будет героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, кого обыкновенно так называют. В Кавказском корпусе есть много подобных людей, но их слишком редко узнают; но в этом романе капитан появляется, как надежда, которая не осуществляется. Господин Лермонтов был неспособен провести (до конца) этот благородный и простой характер, и заменяет его жалкими, очень мало привлекательными личностями, которые если бы они и существовали, должны были быть оставлены в стороне, чтобы не возбуждать досады. Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит свою голову, если это возможно, в сфере, в которой он найдет людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана, предполагая, что он вообще, в состоянии его схватить и обрисовать".*

Слова царя—„вторая часть отвратительна", „презренные характеры", „жалкая книга", „испорченность автора", ироническое выражение—„Счастливого пути, господин Лермонтов!" говорят сами за себя.

ЖИЗНЬ ЛЕРМОНТОВА НА КАВКАЗЕ
УЧАСТИЕ В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ
1840 год

По приезде в Ставрополь, где находился штаб командующего войсками Кавказской линии, Лермонтов был прикомандирован к отряду генер. Галафеева, оперировавшего на левом фланге в Чечне. Лермонтов был с этим отрядом в двух экспедициях: с 6-го по 17 июля 1840 г. —в Малую Чечню и с конца сентября до ноября—в Большую Чечню. В журнале военных действий отряда описывается день за днем весь путь отряда, в котором находился Лермонтов, и где и когда были столкновения с неприятелем. Одно из тяжелых столкновений произошло 11 июля по выходе из чеченского аула Гехи на речке Валерик(„речка смерти"). Между отличившимися своей

* Акад. Е. В. Тарле. „Некролог Шимана".

отвагой в этом сражении был назван и Лермонтов. Во время похода, когда был ранен и выбыл из строя очень смелый и храбрый юнкер Дорохов, который командовал партией в 100 человек охотников, набранных из всей кавалерии, начальствование над этой командой получил Лермонтов. „Не знаю, что будет дальше,—пишет Лермонтов из крепости Грозной,—а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую изо ста казаков—разный сброд, волонтеры и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить".

„Невозможно было сделать выбора удачнее,—говорит Ракович в книге „Тенгинский полк на Кавказе" „всюду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам...и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы".

Лермонтов всегда любил проявлять свою удаль. Теперь арена для этого была широкая, и он действительно проявил ее. Лермонтов остался верен обещанию, данному другу своему М. А. Лопухиной в 1832 году:

„Итак, если начнется война, клянусь вам богом, что всегда буду впереди".

На деле он превзошел это обещание и был не только впереди, но впереди с отвагой, „с отменным мужеством и самоотвержением".

За отличия в военных делах Лермонтов был дважды представлен к наградам. В первый раз за дело при Валерике к ордену св. Владимира 4-й степени. Вторично Лермонтов был представлен за отличие к награждению, на этот раз золотой саблею с надписью „За храбрость", причем особенно отмечались его расторопность и пылкое мужество.

Но храбрость и мужество Лермонтова не встретили в правящих сферах Петербурга сочувствия и никаких наград он не получил: в нем продолжали видеть только беспокойного офицера.

О Лермонтове времен походов в Чечню оставил вос-

поминания генерал К. Х. Мамацев, бывший тогда артиллерийским офицером, с которым Лермонтов сошелся ближе чем с другими офицерами. Мамацев говорит, что Лермонтов, по его мнению, никогда бы не сделал блестящей военной карьеры, для чего у него не было ни выдержки, ни терпенья. Лермонтов и по его наблюдениям удивлял всех своей отчаянной храбростью, но он даже в походах никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда бросалась всюду, отыскивая самые опасные места.

Высшее командование кавказских войск в лице ген.Граббе и Галафеева, ценило Лермонтова за военные подвиги, Среди же товарищей офицеров находились такие, которые готовы были всякое пустяковое нарушение военных правил поставить Лермонтову в укор. Например, барон Россильон упрекал поэта за то, что тот ходил в недостаточно чистой рубашке, не бритый и что ел с командой из одного котла и спал на чем попало. Барон усматривал в этом желание пооригинальничать. Такие близорукие люди, как Россильон, совершенно не понимали что Лермонтов хотел разделить все неудобства походной жизни с теми, кто делил с ним риск, на который он вел их. Даже в отчаянной храбрости Лермонтова Россильон и ему подобные усматривали желание порисоваться.

Впоследствии по поводу такого мнения о Лермонтове некоторых из его сослуживцев, великий психолог Ф. М. Достоевский находил большое сходство в проявлении отваги между Лермонтовым и декабристом Луниным. „И тот и другой,—говорил Достоевский Висковатову,—были страстные любители сильных ощущений, и подвергать себя опасности было для них необходимостью. Уж таковы были эти люди, и такова тогдашняя бесцветная жизнь, что натуры сильные и подвижные не выносили ее серенькой обыденности. Я уверен при том, что никто из них и не думал красоваться."

Такая отвага Лермонтова и не тем объясняется, что он хотел заслужить отставку. Нарочитая и вынужденная отвага долгого срока не выдерживает. Отвага Лермонтова—в его характере, и ему не только не нужно было напряжения, чтобы ее проявить, но скорее нужно было усилие, чтобы сдержать ее в себе. ,,Ему доставляло,—пишет Висковатов, со слов Палена,—как будто особенное удовольствие вызывать судьбу. Опасность или возможность смерти

делали его остроумным, разговорчивым, веселым. Однажды вечером, во время стоянки Михаил Юрьевич предложил некоторым лицам в отряде: Льву Пушкину, Палену, С. Долгорукову, декабристу Пущину и др., пойти поужинать за черту лагеря. Это было не безопасно и собственно запрещалось. Неприятель охотно выслеживал неосторожно удалявшихся от лагеря и либо убивал, либо увлекал в плен. Компания расположилась в ложбинке за холмом. Лермонтов, руководивший всем, уверял, что, наперед избрав место, выставил для предосторожности часовых, и указывал на одного казака, фигура коего виднелась сквозь вечерний туман в некотором отдалении. С предосторожностями был разведен огонь, при чем особенно старались сделать его не заметным со стороны лагеря. Небольшая группа людей пила и ела, беседуя о происшествиях последних дней и возможности нападения со стороны горцев. Лев Пушкин и Лермонтов сыпали остротами и комическими рассказами. Особенно весел и в ударе был Лермонтов. От выходок его катались со смеху, забывая всякую предосторожность. На этот раз все обошлось благополучно. Под утро, возвращаясь в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся часовой был ни что иное, как поставленное им, наскоро сделанное чучело, прикрытое тонкою и старой буркой."

Лермонтов в походной жизни относился к людям так же, как и в петербургском обществе: с теми, в ком он чувствовал понимание, с людьми искренними—он был самим собой, со всеми остальными был таким, каким хотел казаться. Эту черту Лермонтова отмечает и Мамацев, который был к нему ближе других офицеров. „Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он всегда был весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены. Когда он оставался один или с людьми, которых любил, становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенное выразительное серьезное выражение; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед

одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни каррикатуры, и если чем интересовался, так это шахматной игрой, которой предавался с увлечением".

Лермонтов в юности мечтал о славе, подвигах. Теперь он их совершал, хотя и не в том масштабе, как мечтал. Дало ли это ему хоть небольшое удовлетворение? Конечно, на мгновение боевые подвиги дали исход его кипучим силам, но утолить его жажду великого дела они не могли. В спокойную минуту Лермонтов хорошо видел бессмысленность захватнической войны, и грусть опять захватывала его душу.

Не случайность, что поэт, участвуя довольно долго в военных действиях, при всей своей впечатлительности и отзывчивости, не писал стихотворений с военными мотивами. Единственное произведение, в котором Лермонтов дал картину боевой жизни,—это стихотворное послание—письмо к В. А. Лопухиной, написанное под впечатлением жаркого сражения при Валерике. Суть этого послания не в описании боевых схваток, а в настроении и размышлении, которые они вызвали.

Стихотворение „Валерик" имеет большое автобиографическое значение.

Вдохновлено это стихотворение не самими событиями военных действий, не ради описания их поэт пишет его, а сила впечатлений от них каким-то неведомым внутренним процессом, сложными ассоциациями, вызвала Лермонтова на размышления о своей жизни.

Он вспомнил женщину, которую любил с 18 лет и до конца жизни, В. А. Лопухину (в замужестве Бахметева). Вспоминая свою жизнь, он остановился на этом глубоком чувстве и пишет В. А. грустное послание.

Я к вам пишу: случайно! право
Не знаю как и для чего.

Дальше поэт говорит о своем чувстве, владевшем им с давних пор, и о тех переживаниях, которые оно вызвало в разные периоды его жизни.

О своем настоящем состоянии, к которому привели его последние события, поэт говорит:

...Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я равно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.

Чувствуется, что в сжатых словах этого отрывка скрываются целые страницы жизни поэта и глубоких дум его. Дальше дается картина боевой обстановки и боевой жизни.

Так естественно подошел поэт от воспоминаний о прошлом к только что пережитым военным событиям. Непосредственно пережитые впечатления настолько охватили поэта, что он отходит от воспоминаний и размышлений о прошлом и дает со всей мощью своего гения живые картины окружающей действительности.

Поэт реалистически рисует кровопролитный бой и так просто, так сдержанно, без всяких прикрас и пафоса.

Из стихотворения „Валерик" мы видим, что даже самое деятельное участие в военных действиях не только не вызвало в Лермонтове душевного подъема, а напротив, привело его к новым грустным думам о смысле захватнической войны и вызвало отрицательное отношение к ней.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он—зачем?—

В „Валерике" сказалась еще одна черта характера Лермонтова: какое-то горделивое достоинство, тонкое внутреннее благородство,—во всем стихотворении нет ни малейшего намека на участие его в делах, на проявление им храбрости, отваги и мужества.

Конец года Лермонтов проводил в Ставрополе, где собралась в то время большая компания военной молодежи, принимавшая участие в военных действиях на Кавказе: барон И. Вревский, Д. А. Столыпин, кн. С. Тру-

бецкой, Л. С. Пушкин (брат великого поэта), Дорохов, Д. Бибиков, гр. Ламберг и др. Часто наезжал в Ставрополь живший в одной из кубанских станиц декабрист М. А. Назимов. Об этом кратком пребывании в Ставрополе Лермонтова оставил воспоминания А. Есаков. „Несмотря на скромность свою, вспоминает Есаков,—М. А. Назимов как-то само-собой выдвигался на почетное место, и все, что им говорилось, бывало выслушиваемо без перебоев и шалостей, в которые чаще других вдавался М. Ю. Лермонтов. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М. А. Назимовым, а также с И. А. Вревским Лермонтов позволял себе обычный свой тон persiflage'a * Не то бывало со мной, как с младшим. В этой избранной среде он школьничал со мной до пределов возможного, а когда замечал, что я теряю терпение (что впрочем не долго заставляло себя ждать) он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймет мой пыл."

Живя в Ставрополе, Лермонтов из писем бабушки знал, что она хлопочет об отпуске его и что о нем послан на Кавказ запрос от военного министра. В Петербург был послан самый лестный отзыв о поэте, и Лермонтову был разрешен отпуск. 14 января 1841 г. он получил отпускной билет и выехал из Ставрополя в Петербург.

ОТПУСК В ПЕТЕРБУРГ

1841 год

В начале февраля Лермонтов приехал в столицу. Петербургское общество встретило его с еще большим восторгом, чем раньше. Романом „Герой нашего времени" и сборником его стихотворений зачитывались все. „Свет" смотрел на него как на признанную всеми знаменитость, и на него сразу посыпались приглашения из самых аристократических домов. С более искренним чувством отнеслись к нему, как к великому поэту, литературные круги. Как раз к его приезду вышла январская книжка „Отечеств. Записок", в которой Белинский, делая обзор ли-

---

* Вышучивания.

тературы за 1840 год, после жалоб на скудость оригинальных произведений, по поводу Лермонтова писал: „Герой нашего времени“ и „Стихотворения Лермонтова“ — эти две книжки, которые одинокими пирамидами высятся в песчаной пустыне современной им литературы, — делают 1840-й год одним из плодороднейших в литературном отношении и дают ему цену хорошего десятилетия.“

В библиографическом отделе было написано: „Отеч. Зап.“... еще громче, чем прежде, объявляют во всеуслышание глубокое свое убеждение, что первые опыты Лермонтова пророчат в будущем нечто колоссально великое... Не говоря, например, о его поэме „Мцыри“, как о целом создании, обратим внимание читателей на алмазную крепость и блеск стихов, на дивную верность и неисчерпаемую роскошь поэтических картин. Такой стих — булатный меч, и кто, едва взявшись за него, вертит им, как тросточкой, тот богатырь“....

На Кавказе Лермонтов оставил среди военных славу неустрашимого офицера, в Петербурге он встретил утвердившуюся славу великого поэта.

Создались условия, при которых жизнь Лермонтова могла бы повернуться в более благоприятную сторону, и сам он еще упорнее стал мечтать о выходе в отставку. Но в высших правящих сферах, в кругах Бенкендорфов и Клейнмихелей, не склонны были отдавать должное поэту: из списка представлений к награде его вычеркнули, ничтожное нарушение этикета с его стороны вменили ему в „проступок“ и разбили его надежды на отставку.

Проступок Лермонтова состоял в том, что он по приезде в Петербург отозвался на одно из приглашений светского общества и в ближайший день отправился на бал к графине Воронцовой-Дашковой. Дом графини был самый блестящий в Петербурге, на ее балах бывали и лица императорской фамилии. На этот раз на балу был великий князь Михаил Павлович и несколько придворных лиц. Присутствие опального офицера среди столь важных лиц сочтено было неслыханной дерзостью и неприличием.

Вскоре Лермонтова вызвал генерал Клейнмихель и сделал поэту строгое, начальственное замечание, что отпуск ему дан для свидания с бабушкой, а не для то-

го, чтобы танцовать на балах в присутствии лиц императорской фамилии.

Срок отпуска кончался, и Лермонтов уже готовился к отъезду, но бабушка и друзья поэта выхлопотали ему продление отпуска. Лермонтов воспрянул духом, и надежда на отставку опять воскресла в нем.

В Лермонтове созрело желание направить свою жизнь по другому пути. Он был уже не тот, что год назад. Эта перемена чувствовалась, замечалась и со стороны. Лермонтова уже не тянуло, как раньше, ни в широкий „свет", ни в прежнюю холостую товарищескую компанию, которым он отдавал так много времени в предыдущие годы. Теперь его больше привлекала литературная среда. Особенно охотно он посещал Литературный салон Карамзиных. В этом литературном, высоко культурном кружке Карамзиной поэт всегда находил самый искренний дружеский прием, мог в этой дружеской атмосфере чувствовать себя спокойно и свободно и быть самим собой. Одна из постоянных посетительниц этого кружка, поэтесса графиня Ростопчина, писала потом о Лермонтове:„ Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в „свете", любимый и балованный в кругу близких, он по утрам сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружеской обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе, благодаря его неисчерпаемой веселости".

Ростопчина подарила Лермонтову только что вышедший сборник своих стихотворений, с надписью: „Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому."

Лермонтов подарил ей альбом, в который вписал посвященное ей стихотворение:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

Ростопчина вспоминала, что хотя Лермонтов в юности был очень некрасив, о чем и другие современники го-

ворили, но что эта некрасивость впоследствии почти исчезла, когда гениальность преобразила простые черты лица поэта.

В этот свой последний приезд в Петербург Лермонтов познакомился с Ростопчиной ближе. По всей вероятности, „новая“ драма, о которой намекает Лермонтов в письме к Бибикову, имеет отношение к ней. Лермонтов писал в конце февраля 1841 года: „У меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9-го марта отсюда уезжаю“... Едва ли эта завязавшаяся между ними „драма“ была очень драматична. Ростопчина была женщина не глубокого чувства, а Лермонтов как-то сразу отнесся осторожно:

Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Для понимания внутренней жизни Лермонтова, его личности, необходимо знать, какое отношение у него было к чувству любви и как он сам переживал его. Многие не понимают Лермонтова с этой стороны, очень важной в оценке человека. Его влюбчивость меряют обыкновенной, житейской меркой и подчас грубо... В этом пришлось убедиться из многочисленных разговоров с посетителями музея. А между тем Лермонтов и в этом отношении какой-то необыкновенный человек, ни под какую мерку не подходящий. Чувство любви для него — высокое чувство и тесно связано с другими высокими запросами его души.

„В своем замечательном стихотворении „1831-го июня 11 дня“ Лермонтов пишет:

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил...

Для него любовь — сложное переживание, пронизывающее весь внутренний мир его, и потому Лермонтов все сложные вопросы жизни переплетал с чув-

ством любви. Самые высокие порывы, стремление к великому, связывалось у него с жаждой любви, любви все понимающей, все разделяющей и неизменной. Любовь была для него спасением в трудные моменты, когда он мучился неотступными вопросами:

Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос—и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать страду бытия.

В 1831 г., когда Лермонтов особенно сильно мучился исканием своей высокой цели в жизни, когда под влиянием декабристских идей думал о своем героическом подвиге и, как о последствии его, о ссылке, казни,—он любил Н. Ф. Иванову, и все стихотворения, выражающие эти порывы, обращены к ней.

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет...

В другом стихотворении:

Настанет день—и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни—гордый хоть презренный—
Я кончу жизнь мою...
. . . . . .
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей . . . .
Тогда... молю! единою слезою
Почти холодный прах
Того . . . . . .
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был...

Иванова изменила поэту и причинила ему такие сильные страдания, которые равны были силе его чувства

к ней. С глубокой горечью говорит он об обманутом чувстве.

Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку—
Безумец! лишний раз пожать!

Страдания обманутой любви привели поэта к грустному выводу:

...И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

В конце 1831 года сердцем Лермонтова овладела Варенька Лопухина. Чувство к ней он сохранил до конца жизни. О ней мы бегло говорили уже. В данном случае мы хотим показать, какой характер принимало это чувство у Лермонтова в течение его жизни. Шан-Гирей писал: „Лермонтов в студенческие годы был страстно влюблен в молоденькую, милую, умную и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения; но оно не могло набросить мрачной тени на его существование; напротив: в начале своем оно возбудило взаимность, впоследствии, в Петербурге, в гвардейской школе, временно заглушено было новою обстановкой и шумною жизнью юнкеров тогдашней школы; по вступлении в свет—новыми успехами в обществе и литературе; но мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданном известии о замужестве любимой женщины“...

Общий облик В. А. Лопухиной Лермонтов дал в стихотворении:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых...
Однако все ее движенья,

Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты...

Вот одно из первых стихотворений, обращенное, видимо, к ней:

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоем!
. . . . . .

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!..

Переезд в Петербург поневоле несколько отдалил его от Вареньки, но он, судя по немногим, сохранившимся его письмам к М. А. Лопухиной, спрашивал о ней. М. А. Лопухина ответила: „Правда, теперь мы увидимся не раньше, чем через два года, меня это, конечно, огорчает, для вас же, может быть, так будет лучше. Два года достаточный срок для того, чтобы *выздороветь и стать вполне благоразумным*". (Курсив мой. **М. Н.**)

Эти строки говорят о многом. Отъезд из Москвы поэта находят для него полезным. Чувство Лермонтова, очевидно, было такое серьезное и сильное, что нужен был большой срок на излечение от него, а излечение было необходимо. Становятся вполне ясными его стихи:

Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю...

Не легко далась поэту разлука с любимой и любившей его девушкой, а забвенья он все равно не нашел...

Весной 1835 года Шан-Гирей „имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла. Мы играли в шахматы, человек подал письмо, Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: „вот новость—прочти", и вышел из ком-

наты. Это было известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной.

Лирика, в которой отражается отношение Лермонтова к Лопухиной, проще по выражению, чем лирика, обращенная к Ивановой, в которой так сильны были трагические ноты, душевный надрыв. Но эта простота не умаляет силы чувства. Очень показательно в этом отношении то, что любимое творенье Лермонтова, оконченный „Демон", было посвящено Кавказу и В. А. Лопухиной.

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный,
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой,—
Я сердцем твой, всегда и всюду твой.

Посвящение В. А. Лопухиной:

Я кончил,— и в груди невольное сомненье:
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?"...

Чувствуется, что „Демон", который „является выражением тоски, мой бедный ум томившей столько лет", и Кавказ, в отношении к которому поэт чувствует: „Я сердцем твой, всегда и всюду твой" и „незабвенный друг" органически слиты с душою поэта самым живительным чувством, чувством, неизменной любви.

В 1840 году, при совершенно необыкновенных условиях, бесконечно далеких от условий прошлой жизни, Лермонтов после Валерикского сражения, опять вспоминает с глубокой тоской В. А.

И, разбирая весь путь своего чувства, поэт пишет:

. . . что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?...
Безумно ждать любви заочной!
В наш век все чувства лишь на срок;

Но я вас помню—да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию,—но вас
Забыть мне было невозможно.

В 1841 году в Пятигорске, не задолго до смерти, Лермонтов, как свидетельствует его кузина Катя Быховец, часто говорил с ней о Варваре Ал. Лопухиной. Быховец предполагает, что Лермонтов потому любил у нее бывать и говорить с ней о себе, что она, по словам поэта, напоминала ему Лопухину.

Лермонтов, воспевая в „Демоне“ благотворную силу и неизменность чувства любви, переживаемую Демоном, находил источники этих чувств в своем собственном сердце.

История любви Лермонтова дает нам подтверждение того, что возвышенное отношение к любви у него было не только в мечте и творческой фантазии, но в самой его жизни.

В этот приезд в Петербург Лермонтов гораздо больше и охотнее, чем раньше, общался с литераторами. Часто виделся он с Жуковским, В. Ф. Одоевским, Сологубом, с Краевским, у которого встречался с Белинским, Панаевым и др. Нет указаний, чтобы между Лермонтовым и Белинским повторилась задушевная беседа вроде той, которая произошла в 1840 г. во время ареста Лермонтова. Но оба они, по словам Краевского, глубоко уважали друг друга. Лермонтов, жаждущий понимания и сочувствия, не мог не ценить необычайной чуткости и проникновенности, с какой Белинский подходил к оценке его поэтического творчества. В февральской книжке „Отеч. Запис.“ появилась статья Белинского о сборнике стихотворений Лермонтова, в которой критик, разбирая каждое стихотворение отдельно и давая общую характеристику поэзии Лермонтова, высказал мысли, которые до сих пор остаются руководящими при оценке поэтического творчества Лермонтова.

Позднейшие критики и лермонтоведы расширили изучение Лермонтова, детализировали многие вопросы,

связанные с его творчеством, и ими много написано интересного и важного для изучения поэтического наследства Лермонтова, но основные положения, утвердившиеся в лермонтоведении, высказаны впервые Белинским. Гениальный критик обладал одним замечательным не повторившимся свойством — исключительной душевной чуткостью, прозорливостью и горячностью в выражении своих мнений, благодаря которым суждения его о Лермонтове живы до наших дней.

С литературной средой Лермонтова сближала мысль о самостоятельном журнале. Об этом он говорил со многими. Поворот его в сторону интереса к реальной жизни намечался уже в 1840 году. Это состояние поэта чутко подметил Белинский после беседы с ним в Ордонанс-гаузе, о чем он писал впоследствии: „Уже кипучая натура его начала устаиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, и орлиный взор спокойнее стал вглядываться вглубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые“...

Лермонтов за этот год возмужал еще больше,— он вообще поражает своим крайне быстрым духовным ростом. Поэт теперь не тот, каким был в период работы над „Героем нашего времени“. Мысль о самостоятельном журнале очень показательна. Очевидно, настала пора, когда Лермонтову нужно было приложить свои деятельные силы к чему-то реальному, что связывало бы его с общественной жизнью. Журнальная работа, конечно, далеко не соответствовала его неутолимой жажде великого дела, но поэт слишком измучился бесплодными поисками его. А жажда активного участия в жизни не замирала в нем. В те времена таким жизненным, практическим делом для него могла быть только журнальная работа. Он даже определил характер содержания журнала. Ни один из существующих журналов его не удовлетворял. По своему направлению поэт не примыкал вполне ни к западникам, ни к славянофилам.

Чрезвычайно интересно, что говорил Лермонтов Краевскому: „Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским? Я многому научился у азиатов, и мне бы хоте-

лось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, — обращался поэт к Краевскому, — там, на Востоке, тайник богатых откровений ...Мы в своем журнале, — говорил он, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное".

В какой мере и надолго ли удовлетворил бы Лермонтова свой журнал, трудно сказать, но, конечно, ни прочного успокоения, ни тем более примирения с жизнью, он не принес бы ему.

Мысль о журнале важна, как симптом большого духовного роста поэта, его движения вперед за последний год.

Какой путь прошел бы и к чему пришел бы неукротимый, мятежный поэт, соприкасаясь с жизнью на практическом деле, гадать трудно. Одно несомненно, что бунтарь снова заговорил бы в нем, и он опять стал бы искать новых неведомых ему еще путей, соответствовавших его гигантским силам. Слишком могучи были его крылья, чтобы не стремиться к более широкому полету.

Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь.

Что в данный момент Лермонтов переживал в своем настроении перелом, направивший его волю в сторону общественной жизни, показывает написанное в этот период стихотворение, изумительное по глубине чувства, „Родина".

Люблю отчизну я, по странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,

Ее лесов дремучих колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая почи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи почующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Его „странная“ любовь к родине потому странна, что сила ее определяется не размышлением, не оценкой могущества и славы родины, а кровным родством с ней. Эта любовь органическая, стихийная, неистребимая никакой враждебной силой. Эту истинную, связанную со всем существом человека, любовь к родине Лермонтов проникновенно угадал в русском народе и воспел в своем замечательном „Бородино“. В 1841 году, когда вопросы о судьбе родины стали так сильно занимать поэта, он осознал и в самом себе неразрывную связь свою с народом, с родиной и непобедимую рассудком глубокую любовь к ней. Это чувство поэта к родине сливается с любовью его к родной природе, и с какой дивной простотой все это выражено. Белинский писал другу об этом стихотворении: — „Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“, то, аллах-керим, что за вещь; пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских!“

Лучшего стихотворения патриотического характера нет во всей русской литературе. Его нужно всем знать.

Позже знаменитый критик Добролюбов писал о „Родине“: „Лермонтов обладал... громадным талантом и, уменьши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит

замечательное стихотворение „Родина“, в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно.“

В связи с переменой во внутренней жизни Лермонтова, выражающейся и в перевесе объективного элемента над субъективным в творчестве, и в желании заняться работой общественного значения, стоит настойчивое стремление его выйти в отставку. На отставку блеснула было надежда, когда друзьям поэта удалось добиться во 2-й раз продления отпуска. „Ну, если дают отсрочку за отсрочкой, то, бог даст, и совсем отпустят“, говорил поэт, и от этой надежды приходил в очень веселое настроение. Вдруг над головой его опять грянул гром, но на этот раз по совершенно непонятным причинам.

„Как-то вечером,—рассказывал Краевский лично Висковатому,—Лермонтов сидел у меня и полный уверенности, что его, наконец, выпустят в отставку, делал планы своих будущих сочинений. Мы расстались в самом веселом и мирном настроении. На другое утро, часу в десятом, вбегает ко мне Лермонтов, напевая какую-то невозможную песенку, бросается на диван. Он в буквальном смысле слова катался по нем в сильном возбуждении. Я сидел за письменным столом и работал.—Что с тобой?—спрашиваю Лермонтова. Он не отвечает и продолжает петь свою песню, потом вскочил и выбежал. Я только пожал плечами. У него-таки бывали странные выходки—любил пошкольничать!..Через полчаса Лермонтов снова вбегает. Он рвет и мечет, снует по комнате, разбрасывает бумаги и вновь убегает. По прошествии известного времени он опять тут. Опять та же песня и катанье по широкому моему дивану. Я был занят; меня досада взяла. „Да скажи ты, ради бога, что с тобой, отвяжись, дай поработать!“...Михаил Юрьевич подбежал ко мне и, схватив за борты сюртука, потряс так, что чуть не свалил меня со стула. „Понимаешь ли ты! мне велят выехать в 48 часов из Петербурга“. Оказалось, что его разбудили рано утром. Клейнмихель приказывал покинуть столицу в дважды двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру. Дело это вышло по настоянию

гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку".

Под влиянием возмущения против произвола власть имущих, Лермонтов и написал свое негодующее восьмистишие:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

По поводу этого стихотворения В. Г. Короленко записал в дневнике 1890 года:

„Ярко и сильно Лермонтов умел чувствовать как свободный человек, умел и изображать эти чувства!"

Юношей, в начале своего творчества, Лермонтов писал:

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует...

В последние годы, когда уже начались бури его жизни, поэт писал:

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый
И кромо бури да громов
Он никому не вверит думы...

Таким гордым и непреклонным Лермонтов остался до конца своей жизни.

Поэт стал торопливо готовиться к отъезду. В один из данных ему на сборы дней он вместе с Шан-Гиреем разбирал бумаги в письменном столе и в портфеле, унич-

тожая „все, что, по его мнению, было не нужно, и кое-что откладывая для будущего сборника стихотворений". „Бог даст вернусь, может еще что к этому прибавится," говорил Лермонтов. Он оставил Шан-Гирею вновь переписанного „Демона".

Поэт стал прощаться со своими друзьями. 13 апреля кн. В. Ф. Одоевский, прощаясь с поэтом, подарил ему свою записную тетрадь с надписью: „Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную."

Накануне отъезда Лермонтов провел вечер у Карамзиных. Поэт был особенно грустен в этом дружеском доме и говорил о предчувствии близкой смерти. Он вообще все дни после приказа о выезде был в угнетенном настроении и говорил многим, что его убьют на Кавказе.

В конце апреля Лермонтов выехал из Петербурга. Провожал его Шан-Гирей.

В Москве Лермонтов задержался на несколько дней. Москва встретила его, как и раньше, очень приветливо. Лермонтов сам говорит об этом в письме к бабушке: „Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо, и мне довольно весело"...

В это пребывание в Москве с Лермонтовым познакомился очень известный немецкий поэт и впоследствии критик, Боденштедт, который дал интересный отзыв о Лермонтове, как о поэте и человеке.

Из всех знакомых, у которых Лермонтов бывал в Москве, один только оставил воспоминания о нем,—это Ю. Ф. Самарин. Лермонтов, видимо, с большой симпатией относился к нему, и Самарин понимал Лермонтова лучше многих. Самарин пишет в дневнике: „Через три месяца (апрель 1841) Лермонтов снова приехал в Москву. Я нашел его у Розена. Мы долго разговаривали. Он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой... Его голос дрожал, он готов был прослезиться. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать почему он был растроган, сваливая все на нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь. Его мнение о современном состоянии России: „Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо стра-

дает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого. Вечером он был у нас. На другой день мы были вместе под Новинским. Он каждый день навещал меня."

По этому отрывку видно, что у Самарина с Лермонтовым были разговоры о судьбах России. Последние слова о состоянии России чрезвычайно показательны. К сожалению, в дневнике Самарина оказались вырванными несколько страниц как раз после приведенного отрывка. Но и эти несколько слов указывают нам, какой серьезный и значительный поворот произошел в умонастроении Лермонтова. Интересна заметка Лермонтова, внесенная им в тетрадь, подаренную ему Одоевским.

„У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия".

Нельзя не отметить как действовала на людей, перед которыми Лермонтов не скрывался, цельность его сильной натуры и глубина его мысли. Разговоры между Самариным и Лермонтовым велись на темы, на которых Самарин, умнейший человек, один из будущих вождей славянофилов, сосредоточил всю работу своей жизни, а Лермонтов задумывался над ними среди бурь своей жизни, эпизодически. Сила же воздействия мысли Лермонтова на Самарина была такова, что он свои письма о Лермонтове заканчивает: „Мне очень жаль, что знакомство наше не продолжалось дальше. Я думаю, что между им и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое".

Самарин был последний, кто пожал на прощанье руку Лермонтова. Он писал своему другу Гагарину о Лермонтове: „Во время его последнего проезда через Москву мы очень часто встречались, я никогда не забуду нашего последнего свидания за полчаса до его отъезда... Все это восстает у меня в памяти с поразительной ясностью. Он сидел на том самом месте, на котором я вам теперь пишу. Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей

скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны... Прощаясь со мной, он оставил стихи, его последнее творение".*

Б. М. Эйхенбаум делает впервые весьма основательное предположение, что стихотворение „Спор" написано поэтом под впечатлением тех бесед о судьбе России, которые велись между ним и Самариным. Это предположение Б. М. Эйхенбаума ценно во многих отношениях: с одной стороны, наше представление об его беседах с Самариным приобретает более конкретный характер и опоэтизируется, а с другой — стихотворение становится более жизненным, понятным и близким, мы видим — чем оно было вдохновлено. И еще: благодаря этому освещению обстоятельств, под действием которых был создан „Спор", мы лишний раз переживаем удивление и восторг перед мощным гением Лермонтова: достаточно было теоретического разговора на тему, интересующую его в данное время, как он взмахнул своей могучей фантазией и создал изумительную аллегорию победы надвигающейся промышленной культуры над Востоком, и с поражающей силой сжато и ярко нарисовал картины Востока.

Во все время пребывания своего в Москве Лермонтов чувствовал себя в общем очень хорошо. Он говорил своему товарищу Меринскому, с которым встретился в Туле, проездом через нее из Москвы на Кавказ, что никогда он так приятно не проводил время, как на этот раз в Москве.

Из Москвы Лермонтов выехал на Кавказ вместе с родственником своим Алексеем Аркадьевичем Столыпиным, который добровольно определился в Нижегородский полк.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАВКАЗ ЖИЗНЬ В ПЯТИГОРСКЕ

9 мая Лермонтов приехал в Ставрополь. На этот раз поэт приехал на Кавказ не с тем настроением, с каким был здесь в 1837 и 1840 годах. Тогда его увлекали

* Стихотворение, о котором говорит Самарин, было „Спор".

волнения боевой жизни, захватывала красота природы Кавказа и своеобразная жизнь свободолюбивых Кавказских народов, теперь же все его внутренние интересы были связаны с Петербургом и Москвой Созревшее в душе Лермонтова стремление к широкой литературной работе, которой он хотел отдаться всецело (по словам Самарина поэт хотел по получении отставки даже уехать в Тарханы, чтобы писать задуманное),—вот что определяло главным образом настроение Лермонтова, и отсюда проистекало его настойчивое желание выйти в отставку. При таком настроении поэта военная жизнь не могла привлекать его ни в малейшей степени, особенно после всего того, что он передумал и перечувствовал после Валерикского сражения. Эта бессмысленная ломка его планов не могла не отразиться на его настроении и не вызвать некоторой неопределенности желаний. Это сказалось и в письме к бабушке и в дальнейшем поведении. Бабушке он пишет из Ставрополя: „Теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды"...

В этом коротеньком письмеце, в котором он только извещает бабушку о своем приезде на Кавказ и неопределенно указывает куда дальше последует, у него вырываются слова, говорящие о главной его думе: „ Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощение, и я могу выйти в отставку".

А в письме к Карамзиной в то же время пишет:„Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это самое лучшее, что только можно мне пожелать". Это опять мысль об отставке,—легкое ранение дало бы ему ее.

Из Ставрополя Лермонтов отправился вместе со Столыпиным в Шуру, в полк, но по дороге изменил свой план, и решил ехать в Пятигорск. По поводу этой поездки интересные черточки сообщает в своих воспоминаниях ремонтер одного из кавказских полков П. И. Магденко. Магденко встретился с Лермонтовым и Столыпиным на одной из почтовых станций по дороге из Ставрополя и, как это обычно бывает в дороге, попутчики быстро познакомились и от крепости Георгиевской путь продолжали вместе. „Дорогой Столыпин и я молчали,—вспоминал Магденко,—Лермонтов говорил почти без умолку и все время был в каком-то возбужденном состоянии.

Между прочим он указывал нам на озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкесов гонялись за ним. но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне. Говорил Лермонтов и о вопросах, касавшихся общего положения дел в России Об одном высокопоставленном лице я услыхал от него тогда в первый раз в жизни мосй такое жесткое мнение, что оно и теперь еще кажется мне преувеличенным".

По приезде в Пятигорск они остановились на бульваре в гостинице.*

Оформив в комендатуре свое право на лечение в Пятигорске, Лермонтов и Столыпин 24 мая сняли квартиру из 4 комнат на окраине города, у подножья Машука, во флигеле дома Чиляева. Флигель небольшой, четыре комнатки, и крохотные сени, стоит в углу небольшого двора, поросшего травой. 3 окна во двор, по другую сторону домика тенистый сад. Сторона, обращенная к саду, имеет 2 окна и стеклянную дверь на балкончик. Одна небольшая комната с венецианским окном в сад служила поэту и кабинетом и спальней. Теперь в домике музей, отображающий жизнь и творчество Лермонтова.

По утрам Лермонтов брал ванны, гулял, после завтрака садился работать перед открытым венецианским окном своего кабинета; любил сидеть и на балкончике. У окна его комнаты росла огромная белая акация, которая как раз в это время, в конце мая и начале июня, была вся в цвету. Лермонтов привез с собой много книг и потом бабушка прислала ему всего Шекспира по английски, полное собрание сочинений Жуковского и др. Поэт написал здесь несколько стихотворений в тетради, подаренной ему Одоевским: „Дубовый листок", „Русалка", „Сон" „Тамара", Морская царевна", „Утес", „Выхожу один я на дорогу", и „Пророк".

Замечательно, что последним его произведением был „Пророк". Тема стихотворения—высокая миссия поэтического призвания и непонимание этого толпой - занимала поэта с самого начала его поэтического поприща. Поэт мучился противоречием между высокими идеями, наполняющим его душу, и темными сторонами жизни и людей, которых он преодолеть не мог.

---

* Теперь бальнеологический институт.

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Превозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья...

Белинский по поводу „Пророка“ воскликнул: „Какая глубина мысли! Какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго не дождаться России!...“

Все, кто бывал в Пятигорске, могут легко себе представить, где вдохновился поэт на дивное, тихо-скорбное стихотворение „Выхожу один я на дорогу“. От дома, где жил поэт, до самого Машука, было тогда пусто, трава и кустарники,—никакого жилья. Через этот пустырь из города у подножья Машука проходила дорога. Вот по этой кремнистой дороге, вероятно, гулял в одиночестве поэт и переживал то, что выразил в стихотворении.

Невозможность выйти в отставку, чего так хотел поэт, вынужденная служба поставили поэта в безвыходное положение, и чувство безнадежности охватило его: „Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть“.

Около Лермонтова сгруппировалась компания веселой, живой молодежи, которая явилась в Пятигорск не столько для лечения, сколько чтобы отдохнуть и приятно провести время, и зажила весело и беззаботно. „Мы—вспоминает кн. Васильчиков,—жили дружно, весело и несколько разгульно, как живется в этом беззаботном возрасте, 20—25 лет“. Каждый вечер компания предпринимала какое-нибудь развлечение—пикники, прогулки, кавалькады, вечеринки с пением. Чаще всего молодежь сходилась в гостеприимном доме генерала Верзилина. Кроме радушной, хлебосольной хозяйки дома М. И. Верзилиной, семья ее состояла из трех дочерей: старшая Эмилия Александровна, красивая девица лет 25, впоследствии вышедшая замуж за А. П. Шан-Гирей, в своих воспоминаниях пишет о Лермонтове:

„Лермонтов представлен мне был в числе прочей мо-

лодежи в мае 1841 г. Он у нас бывал почти каждый вечер. Большею частью он был очень весел и заражал всех своим весельем. Шуткам, разным затеям его не было конца. Время проводили мы очень весело, и душою общества был он. Когда он не приходил к нам, было как-то натянуто и скучно, хотя бы собиралось много гостей. Настроение его было, правда, не всегда одинаково. Иногда на него нападала задумчивость, особенно когда не было посторонних: сядет, бывало, рядом с сестрою за рояль—она играет, а он опустит голову на руку и так неподвижно сидит целый час. А то налетит на него, словно вихрь, шаловливое настроение, тогда удержу ему нет: затевает танцы и танцует целый вечер, или увлечет всех во двор и начинаются игры—в серсо, кошки-мышки, горелки"...

Пятигорск, как курорт, входил в те годы в моду. Кроме военных, которых отпускали на лечение довольно свободно, было много приезжих с разных концов России, главным образом, из столиц. Общество собиралось пестрое. Те социальные предрассудки, которыми насквозь был проникнут господствующий класс, сказались и здесь: и приезжие и местные жители резко делились на „аристократию" и простых смертных. Лермонтов, в котором совершенно отсутствовало чванство, который всегда бичевал „пустой и глупый свет", видел много смешных и пошло-мещанских проявлений в этом избранном обществе и своим злым, метким языком клеймил его. И этим, конечно, скоро нажил себе врагов. Это недоброжелательство подкреплялось еще тем, что из столицы доходили слухи о неблагосклонном отношении к Лермонтову высшей власти. В одном из таких враждебных кружков возникла мысль подговорить кого-нибудь из молодежи, задетого остротами Лермонтова, вызвать его на дуэль и тем „проучить". По некоторым сведениям, это было предложено сыну известного кавказского героя Лисаневичу. Но 20-летний юноша оказался благороднее и независимее, чем это думали подстрекатели. Лисаневич понимал Лермонтова и его значение гораздо лучше многих приятелей поэта. Он ответил им: „Что вы! чтоб у меня поднялась рука на такого человека! Правда, он заходит иногда в своих шутках далеко, но всегда первый же извиняется и старается загла-

дить обиду. Нет, этого я не сделаю никогда!" Лисаневич отказался, но желание этих злобных людей все-таки исполнилось.

Не следует думать, что причина гибели Лермонтова в них, в этих ничтожных мелких людях. Они создали только повод и благоприятную атмосферу для трагического исхода дела, а истинная причина лежит глубже. Стоит только сопоставить с одной стороны гордый, смелый, непреклонный характер поэта, а другой— характер николаевского режима, не терпящего ничего независимого, чтобы почувствовать, что Лермонтову трудно было уцелеть в окружении мелких людей, в каких бы условиях он ни находился. Благодаря тупому преследованию его правящими кругами, поэт не видел выхода из своего подневольного положения. Эта зависимость так тяготила его, что он не дорожил жизнью, не оберегал ее, а ничтожные люди, совершенно не понимавшие его, воспользовались этим, чтобы свести с ним мелкие счеты. Убийцей Лермонтова явился его бывший приятель Мартынов.

Мартынов был молодой человек 25 лет, красивой наружности, но недалекий, самолюбивый. Любил покрасоваться, пооригинальничать, особенно в дамском обществе: наряжался в черкесский костюм с огромной папахой на голове и с привешанным сбоку длинным кинжалом. В таком живописном наряде принимал эффектные позы или напускал на себя мрачность, загадочность. Этой картинной внешностью на некоторых он производил впечатление, но тем, кто знал Мартынова ближе и давно, он был смешон. Лермонтов, не терпевший ничего фальшивого, показного и любивший донимать людей своими насмешками над их слабостями, не упускал случая посмеяться над „Мартышкой", как он называл его.

Мелочно самолюбивый Мартынов не прощал Лермонтову его насмешек, особенно когда слышал их при дамах. Ответить остроумно он был неспособен, и раздражение его против Лермонтова все больше и больше накоплялось, пока не вылилось в злобной вспышке, повedшей к роковому столкновению. В чем состояла ссора Мартынова с Лермонтовым, что было сказано ими друг другу, показания различны. Э. А. Шан-Гирей бы-

ла свидетельницей начала столкновения их, и ее показания в данном случае достовернее других сообщений. В своих воспоминаниях она по этому поводу пишет: „По воскресеньям бывали собрания в ресторации, и вот именно 13-го июля собралось к нам несколько девиц и мужчин и порешили не ехать в собрание, а провести вечер дома, находя это и приятнее и веселее... Мы, провальсировав с Лермонтовым, уселись и мирно разговаривали. К нам присоединился Лев Сергеевич Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык... Ничего злого особенно не говорили, но смешного много. Но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл кн. Трубецкой Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его montagnard au grand poignard*.

Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово poignard раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: „Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах“, и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание „язык мой—враг мой“ М. Ю. отвечал спокойно: „ничего, завтра мы будем прежними друзьями.“ Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора“.

Как и где произошел вызов, сведений точных нет. Мартынов дал следственной комиссии свои показания, но они не заслуживают доверия.

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ

Дуэль была назначена на 15 июля в 5 часов вечера, у подножья Машука, в 3-х километрах от Пятигорска. Секундантами Лермонтова были Столыпин и Трубецкой. Секундантами Мартынова—Васильчиков и Глебов.

Лермонтов говорил Глебову, что он стрелять в Мартынова не будет. Васильчиков описывает момент

---

* Горец с большим кинжалом.

дуэли так: „Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде: „марш". Зарядили пистолеты. Глебов подал Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали „сходись". Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслонясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и начал прицеливаться. Столыпин крикнул: „Или стреляйте, или мы вас разведем!" Мартынов выстрелил. Лермонтов упал, как подкошенный, не сделав никакого движения". В это время разразилась страшная гроза и пошел проливной дождь. Столыпин и Глебов поехали в Пятигорск, чтобы устроить перевозку тела убитого домой. Только в 11 часов под сильным, непрекращающимся ливнем явились они с извозчиком. Тело погибшего поэта было перевезено в 12-м часу ночи на его квартиру.

На другой день начались хлопоты о погребении поэта по христианскому обычаю. Но с этой стороны получилось осложнение: священники не соглашались исполнить обряд погребения, причисляя смерть на дуэли к самоубийству. Наконец одного из них удалось уговорить отслужить только панихиду и проводить тело покойного до могилы. На 3-й день, 17 июля, хоронили поэта. Собралось много народу. При полной тишине, общем молчании, опустили тело поэта в могилу, и немногие из присутствовавших понимали по-настоящему, кого они хоронили, кого лишилась Россия!..

Смерть Лермонтова была встречена обществом с большим сожалением о нем, многие журналы поместили извещение о кончине поэта. В „Отечествен. записках" Белинский оплакивал смерть его, как „новую великую утрату осиротелой бедной русской литературы."

„Москвитянин" извещал: „Еще утрата в русской литературе! Одна из прекрасных надежд, М. Ю. Лермонтов, скончался на Кавказе. Давно ли мы радовались его расцветанию — и уже должны оплакивать потерю. Он был

представителем самого младшего поколения словесности нашей; бодро шел вперед; развитие его обещало многое. Теперь все кончено. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, сколько прекрасных талантов погибает у нас безвременно".

„Высшие" же сферы отнеслись к гибели поэта с чувством полного удовлетворения. Царь встретил известие о смерти его позорной фразой: „туда ему и дорога", и сделал все для облегчения участи убийцы поэта: он смягчил постановление суда, назначил только три месяца тюрьмы с зачетом предварительного заключения и значительно сократил срок церковного покаяния

Не все понимали сложную, могучую натуру Лермонтова. Но кто знал и понимал его, скорбь тех об утрате его не только, как поэта, но и как человека, была сильной и глубокой. Белинский писал другу, что смерть Лермонтова он переживает с острой болью, как свою личную утрату, которая вызывает в сердце его ощущение пустоты в жизни.

Самарин, очень сдержанный в выражении своих чувств, с горьким сожалением писал: „Это был один из тех людей, которых мне доставляло радость встречать. Он „присутствовал" в моих мыслях, в моих трудах. Его одобрение радовало меня. Он представлял для меня один из сильнейших интересов в моей жизни".

Бабушке долго не говорили о смерти Михаила Юрьевича, но наконец должны были сказать. С нею сделался апоплексический удар. Едва собравшись с силами после тяжкого потрясения, она стала хлопотать перед царем о разрешении перевезти тело Лермонтова в Тарханы.

Весною 1842 г. получено было разрешение, и 23 апреля тело Михаила Юрьевича в свинцовом гробу было привезено из Пятигорска в Тарханы и похоронено в фамильной часовне, близ церкви на краю села. В этой часовне стоят рядом два памятника—матери Лермонтова и его деда по матери. Впереди этих памятников на могиле поэта поставлен большой памятник из черного мрамора. На боковых сторонах его написан год рождения

и смерти, а на обращенной к входу только „Михаил Юрьевич Лермонтов."

Часовня приведена теперь в полный порядок, вокруг нее разросся сад. В доме Е. А. Арсеньевой открыт недавно музей. Не только творения великого поэта, но и усадьба, где он провел детство и отрочество, и дом, в Пятигорске, где он жил последние дни, стали достоянием всей его родины, которую он так любил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лермонтов погиб, не достигнув 27 лет. Но, несмотря на короткую жизнь, полную бурь и волнений, он оставил после себя бессмертное наследие. Он вошел в историю русской литературы, как гениальный поэт—гражданин. Такие великие современники, как Белинский, Гоголь, Герцен понимали это. Белинский указал, что Лермонтов по содержанию, добытому со дна глубочайшей и могущественной натуры, шагнул бы дальше Пушкина, и отметил в творчестве его элементы истинного народного поэта. Гениальный бытописатель Гоголь писал о поэте: „В нем слышатся признаки таланта первостепенного, поприще великое могло ожидать его. Никто еще не писал у нас такой правильною, прекрасною и благоуханною прозою... Готовился будущий великий живописец русского быта"...

Об огромном общественно-историческом значении творчества Лермонтова Герцен писал: „Он (Лермонтов) всецело принадлежит к нашему поколению. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться и скрывать свои думы,—и какие думы!... то были сомнения, отрицания, злобные мысли... Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела,—она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, рефлексия Лермонтова, это—его поэзия, его мученье, его сила".

Отмеченная Герценом особенность поэзии Лермонтова способствовала росту прогрессивных стремлений как в литературе, так и в общественной жизни.

Один из крупных поэтов позднейшего времени А. Блок

писал, что „наследие“ Лермонтова вошло в плоть и кровь русской литературы. И потому вошло, что „его поэзия заключает в себе все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия“. (Белинский).

Чернышевский писал, что Лермонтов ,,сделал самую мысль основой лирики и тем открыл широкую дорогу публицистическим, гражданским жанрам“. На эту дорогу гражданских мотивов в творчестве вышли потом Некрасов, Достоевский, Тургенев и другие. Достоевский, хотя и видел в поэзии Лермонтова много мрачного, но находил, что ,,чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он чтит народ... Остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного печальника горя народного“.

Наряду с этим Лермонтову была присуща огромная потребность совершенствования, вытекавшая из его высоких нравственных требований к жизни. Еще юношей он сказал о себе: ,,Но хочет все душа моя во всем дойти до совершенства“. Эта потребность его натуры не угасала в нем до конца его жизни. Недаром Лев Толстой, сам неутомимо и страстно искавший истины и смысла жизни, до конца дней своих стремившийся к совершенствованию, почувствовал в Лермонтове эту родственную себе черту. Он ценил Лермонтова не только как великого поэта и непревзойденного прозаика, но высоко ставил его как нравственную силу. Лев Толстой особенно ценил в поэзии Лермонтова ,,нравственную значимость ее“ и однажды горячо воскликнул: ,,Вот в ком было это вечное, сильное искание истины!“

Возвышенная и глубокая поэзия Лермонтова есть порождение не только мощного гения и великой души, но и пламенно-страстного, героического его характера. Вот это сочетание духовных сил и делает Лермонтова близким нашему времени,—эпохе Великой пролетарской революции. Люди нашей эпохи почувствовали в Лермонтове „заряд гигантского мятежа“ (Луначарский), „жажду активного вмешательства в жизнь“, ,,действенное чувство“ в его пессимизме (Горький). Гражданские мотивы творчества Лермонтова ставятся теперь впервые, как самостоятельный, большого значения вопрос.

В. И. Ленин ценил Лермонтова, о чем писала Н. К. Крупская в письме музею „Домик Лермонтова“ 7/V — 1938 г.: „Владимир Ильич любил Лермонтова. Привлекала нас смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова“.

Творчество Лермонтова показывает, какой огромный духовный мир он носил в своей душе и в своем гении, и невольно встает вопрос: какие творческие тайны унес он с собой в могилу? До какой бы высоты он поднялся в мировой литературе? Какой сложный путь прошел бы он в жизни? Какое колоссальное значение он имел бы в общественном развитии нашей страны?

„Но, увы! Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и исчезнуть во всей красе своей“. (Белинский).

Ранняя гибель Лермонтова вызывает в каждом живое, щемящее чувство скорби и сожаленія. Но наряду с этим горьким чувством у нас невольно рождается чувство гордости, что наш народ дал такого величайшего поэта и человека таких необъятных сил.

Творчество Лермонтова—это одна из тех великих ценностей, которые минувшая эпоха передала новой, и которую советская страна сделала достоянием всех населяющих ее народов.

Только в нашу эпоху Лермонтов стал своим, родным поэтом и для всех трудящихся масс Кавказа, который был для него „поэтической родиной, пламенно любимой им“.

ЛГПИ им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Отв. редактор Яковкина Е. И. Технич. редактор Тершуков Д. А.
Ответ. корректор Гаваза С. А.

Сдано в набор 7|IX—'939 г. Подписано к печати 3|II—1940 г. Объем 8,5 п. л. Стат-формат Б-5. Уполкрайлит Т № 5030. Заказ № 5272 Тираж 11000 экз.

Крайведиздательство Пятигорск, Советский просп. 60.

Отпечатано в типолитографии им. Анджиевского Пятигорск, Лермонтовская, 6.

Переплетная фабрика Орджоникидзевского УП и П

Н. К.
/V —
ивле-
оки у

мный
ении,
унес
ялся
л бы
бы в

снуть
трую
оей".

ивое,
этим
вство
о по-

аких
ой, и
х на-

дным
й был
им".

Д. А.

Стат-

я, 6.